

Б И Б Л И О Т Е К А

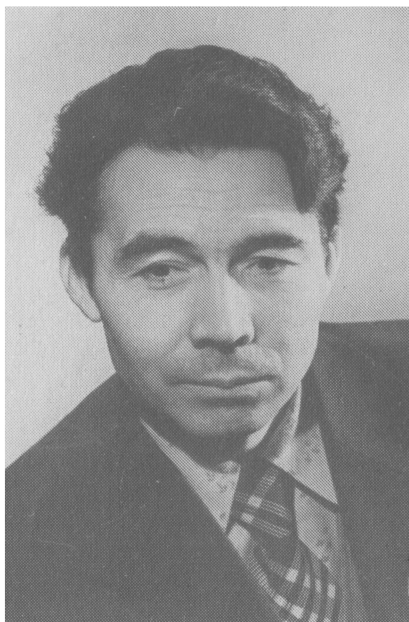
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 43

1989

Михаил ЮХМА

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

**КАК РОДОСЛОВНЫЙ
ТАЛИСМАН...**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 43

Издается с января 1925 года

Михаил ЮХМА

КАК РОДОСЛОВНЫЙ ТАЛИСМАН...

РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Мишии ЮХМА

Мишии Юхма (Михаил Николаевич Юхма) — известный чувашский писатель, автор более тридцати книг прозы, поэзии и публицистики. «Вдумчивое отношение к слову, прекрасное знание чувашского фольклора и мифологии, подлинно народная тональность в обрисовке характеров, образный диалог персонажей — вот что отличает произведения Михаила Юхмы. Он неустанно и любовно собирает устное народное творчество. Фольклор и мифология родного народа — отправная точка многих его стихов, легенд, поэм и произведений прозы», — писал о нем народный поэт Чувашии Педер Хузангай.

Михаил Юхма знаком всесоюзному читателю как автор исторических романов «Дорога на Москву», «Голубая стрела», «Кунгош — птица бессмертия», повестей «Шурсямга, молодой волк», «Бери мое добро», «Жизнь — широкая скамья», «Железный конь богатыря Суная», «Звезды зовут», сборников легенд, рассказов и очерков «Цветы Эльби», «Мальчик из Шоршел», «Книга о Чувашии», «Белые ключи», «Чебоксарский богатырь», «Из синевы рассвета», «Удивительные приключения Пюрнеске и его друзей», поэтических книг «Сурбан», «Братский ковш». Он лауреат журналов «Волга» и «Советская женщина», всесоюзного литературного конкурса «Земля и люди» и литературной премии «Блтан пучах» (Золотой колос) колхоза «Прогресс» Чувашской АССР. В 1979 году Михаил Юхма за книгу «Белая птица счастья» удостоен республиканской рабочей премии «Волжский богатырь». Ему также присвоено звание «Заслуженный работник культуры Чувашской АССР».

Произведения Михаила Юхмы известны и за рубежом, они переведены на многие языки.

КАК РОДОСЛОВНЫЙ ТАЛИСМАН...

*Ты подарил мне талисман —
Обычай чувашского народа...
Из народной песни.*

Доброе имя

Все начинается с детства. А детство — как родимое пятно: оно всегда с нами. В трудных ситуациях человек часто вспоминает прошлое, и детство как бы приходит к нему на помощь. Да, да, детство, как родимая мать, протягивает человеку свою верную руку и помогает преодолеть все беды и невзгоды. Ведь человек представляет из себя то, что у него воспитали в детстве. Качество характера, отношение к людям, честность, порядочность, доброта — все это как бы держится на фундаменте — детстве, детских восприятий мира, всего того, что мы называем жизнью, на чистых, светлых, добрых-добрых восприятиях...

Размышляя о детстве, о добрых традициях родного народа, его педагогическом наследии, я часто вспоминаю слова великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости». Как правильно он сказал!.. Думая над этим изречением великого поэта, я вспоминаю свою бабушку. Она была известной сказительницей. Люди звали ее Оста-Насьтук. Оста — слово, которым, как незримым венком, венчают у нас, у чувашей, самых лучших умельцев и умелиц.

Бабушка любила говорить: «Конь-аргамак падает — поле остается, добрый человек погибает — слава его остается». А потом добавляла: «За добрым конем, пьющим воду, напьется тысяча коней...»

И еще она говорила: «Доброта не заслуга, доброта — суть самого человека. Любите делать добрые дела. Не откажите в помощи. И пусть никто не упрашивает вас дважды...»

И своим напевным, таким добрым для нас, детей нашего селения, голосом пела пехили-заветы:

Доброму коню — один удар,
Доброму человеку — одно слово,
Если просят помощи у тебя,
Не заставляй повторять просьбу.

Цветок дает пчеле свой мед,
И радуется, и сам опыляется,
Человек помогает другому в беде,
И радуется, и доброе имя приобретает...

Бабушкины эти слова, песни и поучения, все такие заветы были для меня правилом жизни, если можно сказать, и неписаным законом, по которому мне следовало жить. Я считал и до сих пор считаю, что они представляют квинтэссенцию вековой мудрости моего народа, который за долгие века жизни выработал для себя не только правила поведения в разных ситуациях и случаях, но и своеобразное философское осмысление бытия и самосуществования человека на земле. «Доброе имя дороже всего. Что остается после человека на века?.. Только те дела, которые сделаны во имя доброты. Поэтому, человек, сотвори доброту!.. И ты будешь бессмертным...»

Бабушка рассказывала...

Бабушка любила рассказывать сказки о далеких странах, о героях разных народов, подружившихся крепче единокровных братьев. «Куда ни поедешь — везде одно солнце. Одно солнце, но народ разный. Народ разный, а добро едино». Иногда еще добавляла: «Люди все равны: и чуваш, и русский, и татарин, и мордва. Все дружно живут. Солнечного сияния всем хватает...»

В сказках бабушки добрые чувашские баторы спасали украденных девушек от плена злых драконов и коварного злодея Чиге-старика Хур-Сухала, породнялись с чужеземными воинами, спешащими спасти Солнце и Луну, помогали побратимам, околдованным недобрыми феями и колдунами.

Помню романтическое сказание о великом баторе Ламане. В одном из своих походов он претерпевает страшные беды и невзгоды. Солнцеликая красавица, ради которой он чуть не погибает, оказывается недоброй феей. Его тяжелая трехпудовая сабля — алдаспан — покрывается ржавчиной в далеких странах, где идут по три дня дожди и по три дня град, а солнце никогда не светит. Квакут — небесный аргмак его — начинает хромать. И он сам еле держится на коне. Но тут Ламан встречает богатыря соседнего народа, который идет спасать золотую шкатулку — святыню своего племени. И чувашский батор идет с ним, чтобы помочь своему побратиму в грядущих битвах. Он знает, что его сын, родившийся в дни странствия, погибнет, если отец не вернется. А в новом походе он может исчезнуть навсегда в стране Мрака.

Помню: мне так хочется, чтобы он вернулся к своему сыну, который ни разу не видел его. И с мольбой говорю бабушке: «Пусть он вернется домой. Ведь он так измучен...»

— Нет, внучек мой,— говорила бабушка,— одинокий голову к долу клонет, а кто в дружбе — на коня садится. Надежный друг — опора жизни. Богатыри они потому и сильны, что не оставляют друзей в беде. Учись у них. Пусть будет тебе плохо, пусть будет тебе трудно, но другу окажи помощь! Слушай, как сказано в древних заветах:

Познавший вкус меда и полыни,
Отзывчив будь достоинству в угоду,
И если друг стал пленником пустыни,
Ему доставь хоть на ладонях воду...

Кусок лепешки

Скоро год, как началась война.

В нашем селении мужчин почти не осталось. И колхоз наш обеднел: рабочих рук не хватало.

У нас дома сколько времени уже нет хлеба: осенью по трудодням ничего не распределяли.

И вот по селу пошел слух:

— Беженцы идут!

Я, мальчишка-несмышлениш, думаю про себя: «Кто же эти беженцы? Что они будут делать у нас?»

Я знаю, что на свете есть чуваши, татары, русские. Недавно узнал о немцах. Они мне кажутся злыми, рогатыми, ведь они войной пришли на нас. Думаю, может, и беженцы похожи на немцев.

Мой старший брат учится в педучилище. Вчера он принес муку. И сегодня мать испекла нам лепешки. О-о, какой это для нас праздник! Мать дала мне маленькую лепешку и ушла на работу. Для меня чувствовать во рту откушенный кусок лепешки — самый прекрасный миг. И хочется, чтобы он длился долго-долго. Я откусил лепешку и, жуя, выбежал на улицу.

У ворот бревно. Я сел, греясь на солнце, стал есть. Сам так рад, что, кажется, нет на свете человека счастливее меня.

Вдруг заметил: из соседнего переулка вышли двое: старуха и девочка моих лет. Еле-еле бредут. Дошли до нас и, будто чего-то остерегаясь, сели на край бревна. По их одежде я понял, что они не чуваше. Старуха устало оперлась руками о колени и смотрела куда-то вдаль. А девочка... Она смотрела в мою сторону. Глаза у нее большие-большие и похожи на голубые цветочки, что растут в наших лесах. Волосы длинные. Но они не похожи на волосы наших девочек, они у нее золотистые. А сама девочка худенькая.

Вдруг я понял: она смотрит на мою лепешку. Я инстинктивно вздрогнул и спрятал лепешку под рубашку. Девочка не мигая продолжала смотреть на меня. Я успокоился; вынул лепешку и откусил, потом, как бы приободряя незнакомку, улыбнулся. Она все смотрела на лепешку. Я понял, что она голодна. В моем маленьком сердце проснулась жалость. Я подошел к ней, разделил лепешку на две части и одну половинку протянул ей.

Девочка сначала испуганно отшатнулась, потом схватила лепешку и быстро-быстро начала есть. Ее маленькие ручки дрожали... Съев лепешку, она улыбнулась мне своими голубыми глазами и произнесла «спасибо».

Слово было русское, но я его понимал.

Оказывается, старуха видела все. Она не спеша поднялась, подошла ко мне и погладила по голове, говоря какие-то ласковые слова на незнакомом языке. Но только последние слова мне врезались в память: «Беженцы мы».

...Это была моя первая встреча с «беженцами», как в народе называли эвакуированных. Мне не стыдно вспоминать об этой истории. Я, маленький чуваш, вел себя в ней достойно. Вот доброе влияние добрых слов, добрых поучений моей бабушки, влияние благородных поступков великих героев древних сказаний моего народа.

Добрые традиции народа устами бабушек передавались внукам и внучкам. Каким золотом можно оценить эти традиции, которые, посеяв доброе семя на благодатной почве — детской душе, прорастают глубокими корнями!..

Почему некрасиво?

Как-то был я в гостях. Маленькая девочка хозяйки сидела за столом и болтала ногами. Мать ругалась: «Сколько раз надо говорить, что это некрасиво!» И шлепнула по ногам.

Девочка озорно мне подмигнула и через минуту опять продолжала свое...

А мне бабушка сделала такое замечание всего один раз. Она сказала: «Говорят, если ребенок болтает ногами за столом, то мать умрет раньше времени».

Вспомнив это, я спросил девочку:

— Ты любишь маму?

Конечно же, она безумно любила свою маму. И я сказал ей слова моей бабушки Оста-Насьтук.

Глаза у девочки сделались большие, в них была осознанная мысль, то есть то, чем и отличается человек от животного. И я понял, что матери не придется больше напоминать ей, что за столом ногами болтать некрасиво.

Главным оппонентом воспитания у бабушки было слово. Но не простое, а образное. Поэтому оно будоражило душу, вызывало осознанную мысль.

Думаю о словах бабушки. Запугивание? Нет! Просто она нашла способ выразить свое дидактическое поучение через близкое, дорогое мне понятие.

Кто прав?

Недавно был свидетелем спора двух педагогов.

Молодой, вихрастый учитель начальных классов доказывал:

— Мы должны по-научному подойти к нашей педагогической работе. Никакие ссылки на обычаи, традиции, на поучения старых людей! Макаренко был новатором в педагогике, каждый из нас должен брать с него пример и, отменяя старые истины, по-научному должен решать для себя задачи воспитания школьников. Никаких сказок и баек. Мы смело должны вторгаться в современную нашу жизнь...

Старый учитель истории задумчиво сказал:

— Так ты уподобишься дереву без корней. Бывают такие деревья: с виду могучи, красивы. Но подует сильный ветер, и они окажутся на земле. Помни: сама педагогика — старая истина... — Он обстоятельно, по-стариковски, рассуждал, что научная педагогика должна развиваться при всестороннем изучении народной педагогики.

Кто из них прав? Оставить этот вопрос или постараться ответить? Нет, нет, пусть читатель сам ответит на этот вопрос. А мне тогда, когда слушал я спор двух педагогов, вспомнился случай из далекого босоногого детства...

Муравейник — дом

Был у меня старый друг Алим-пичче, пастух. Однажды, гоняя стадо, мы вышли на опушку и наткнулись на огромный муравейник. Играя, я проткнул его прутиком. Алим-пичче сказал:

— Нельзя трогать муравейник. Говорят, будут муравьи проклинать: «Пусть также уничтожится твой дом»

С тех пор муравейник всегда ассоциировался для меня с родным домом. Нельзя разрушать родной дом, а значит, и муравейник.

Может быть, воспитывая детей, мы должны чаще возвращаться в свое детство?..

Люди тысячелетиями воспитывали детей. За это время формировались и закрепились у каждого народа своеобразные обычаи, добрые традиции и другие культурные ценности. Не были ли они тем основанием здания, называемым народная педагогика, на котором оно держится?.. Да, да, мы должны чаще возвращаться в свое детство.

Поездка в детство

На столе у меня телеграмма: друг из Симферополя зовет к себе к морю провести отпуск. Два часа назад мне звонил другой приятель — по секрету сообщил, что в Союзе писателей можно достать путевку в Болгарию.

У меня осталось всего одно дело — отнести подписанные гранки в редакцию. Свежая типографская краска пьянит своим запахом, а на улице рвутся и лопаются почки — завтра у меня отпуск.

Сто раз мы обсуждали дома, куда ехать. Перебрали множество мест. Немало вариантов разных путешествий рождалось и умирало у меня в голове. Но я знал, что и на этот раз не придется воспользоваться ни одним из них. Не пригодятся мне ни советы друзей, ни телефоны, которыми они снабдили, узнав, что я получаю отпуск... Пусть море меня подождет. Я знал, что, как и в прошлом, и в позапрошлом году, проведу свой отпуск в Сугутах. В том далеком от городов и больших дорог селении, где родился и вырос, где сделал свой первый шаг по земле, где произнес первое слово на моем родном языке.

Это как инстинкт у птицы. Говорят, делали такой опыт: в Африке выводили яйца гагар. И, возмужав, птицы находили свой путь к родным местам, которых никогда не видели. Тяга домой, тяга к родному гнезду, к родному духу у каждого существа в крови.

Я не гагара. Я человек. Я вырос в Сугутах, мои сны сохранили теплоту нагретых солнцем камушков на деревенской дороге. Но и у меня тяга домой в крови. Мои предки, древние турки, праболгары, пасли скот, совершали гигантские переходы в поисках пастбищ и травы и возвращались назад в родные места после великого праздника — Возвращения в след. Так и кочевали: с юга на север, с севера на юг. Места, где они родились, для них были нулевым меридианом. Путь у них был длиною в год. Этот путь — география мира. И отправная точка, как и тысячелетия назад для моих предков, для меня — родное селение, где я родился. Им определяется пространство, им проверяется мир.

Мой путь тоже длиною в год. Но если у предков само возвращение длилось полгода, мое возвращение длится только четыре часа, сколько идет автобус.

Подписанные гранки я сдал редактору. Теперь я в отпуске. Мои сны, как кони в таборе, ждут отправления на рассвете. А рассвет для снов — мои образы, мои воспоминания.

Я еду в родную мою деревню.

Но также знаю, что с этого момента мои мечты об отпуске рассыпаются. Писатель не может никогда в отпуске быть в полном смысле этого слова, тем более в родных местах, где каждый кустик будит воспоминания.

Целый год я не был в родных Сугутах.

Неосознанная тоска

Спускаюсь с высокой горки, перехожу через речку. Вот и моя деревня, моя любовь, мои мечты. Мимо меня проходят люди. Я им кланяюсь.

— Аван-и?

Старые люди отвечают мне по древнему обычаю:

— Аван-ха.

Молодые — по-новому:

— Салам.

Я вижу у некоторых в руках транзисторы, звучит какая-то негритянская музыка. Девушки улыбаются мне, они как весенние цветы — в ярких двухоборочных национальных платьях. Я иду и оглядываюсь по сторонам — тракторы, комбайны. На домах паутиною висят антенны телевизоров. Прохожу мимо нового сада. Приметы нового, приметы роста, культуры.

Хорошо это или плохо? Хорошо! Ведь эпоха дает нам новые вехи, новые законы, правила и нормы.

Но что же это такое? Недоуменно оглядываюсь. Неожиданно начинаю понимать: появилась во мне какая-то неосознанная тоска. Откуда она? Ах, вот в чем дело. Да я же прохожу по древнему лапу — сельской площади. Но где же лап? Его нет. На этом месте всегда зеленела трава. Сюда по вечерам собирались мудрые старики — шурсухалы и вели свои нескончаемые беседы о вечности и переменчивости жизни, о бессмертии мечты. Здесь играли мы, ребятишки, мечтавшие о сказках и хотевшие делать сказку своей действительностью. Здесь проходили девичьи гулянья в дни Синьзе — Дня пробуждения травы. Я вижу как наяву моего старого друга, любимого всеми детьми, мудрого пастуха Алим-пичче. Здесь ждали мы его вечернюю порою, сидели около него, слушали дивные сказки о Кармал-баторе, спящем уже несколько веков под землею и готовом встать, когда народу будет угрожать опасность, о Ламане, величайшем герое древней Чувашии, о Сунае и его железном коне, об Улыпe, добром великане, восставшем против бога, чтобы дать людям счастье, а потом плясали джигитские пляски под звуки его кавала... Но самое незабываемое — ваиа, девичьи хороводы. В красивых двухоборочных платьях, в островерхах тухьях, теветь собирались сюда девушки.

Ваиа, незабываемый хоровод. Веками люди восхищались этим искусством чувашек. А где же собирается сейчас хоровод? Где водят свои дивные игры красивые чувашечки?

Я долго стоял на бывшей сельской площади и думал с щемящей тоской о красивых обрядах чувашского хоровода. А сейчас на месте площади, где проводились эти обряды, — пыль, земля, развороченная гусеницами трактора, да прутики деревьев, посаженных в прошлом году.

С одной стороны, богатый колхоз — у него теперь машин только около пятидесяти. А с другой стороны... Может, машины стоило бы держать не здесь, а где-то чуть поодаль от деревни, за речкой.

Остатки древней письменности

...Дома встречает меня старая мать.

— Я ждала сегодня тебя, — говорит она.

Всегда так, каким-то чутьем угадывает она день моего прибытия.

Вечером спрашиваю:

— А где бывает теперь хоровод?

— Нет, на хоровод девушки не собираются.

— Но почему?

И сам думаю. Вот отучили курицу летать. Уже сколько веков прошло с тех пор. Но она все еще машет крыльями. Человек тоже так с щемящей тоской будет думать о красивых обычаях, традициях своего народа, если они забыты незаслуженно.

Нашел я хоровод на лесной стороне, в самых глухих деревушках, в Шераутах и Тарханах. Несколько вечеров специально выходил я на сельские лапы и любовался девушками, водящими хоровод, парнями, увлеченными древними играми.

Красивы песни хороводные, у них особая мягкая и задумчивая мелодия, будто идущая из глубин веков и приносящая тоску о прошедших годах. Смотрю на хоровод и вспоминаю записи русского писателя Н. Г. Гарина-Михайловского.

«Подойдя, девушки взялись за руки, составили большой круг и начали петь: это было такое оригинальное и пение, и зрелище, какое я никогда не видел, т. е. видел на сцене, в балете, в опере.

Что оперы, что романсы?! Разве передадут они этот аромат вечно молодой весны и нежной тоски о пронсящих веках? Разве передадут они эту песнь народа, две тысячи лет сквозь всю ломку пронесшего с собой яркий образ прежней жизни? Разве можно выдумать такую песню?»

...Девушки остановились. Лукавым взглядом посмотрели друг на друга и стали ходить не по кругу, а делая разные замысловатые фигуры: вот они идут зигзагом, то образуя треугольник, то лебединые крылья.

Парни, заметив это, бросили свои игры. Подошли к девушкам и стали внимательно смотреть, которая из них первой разорвет круг. И кто из парней сразу же схватит ее, тот и будет счастливым.

Древние легенды моего народа говорят, что этот ход девушек тоже остатки древней письменности, что, зная эту письменность, можно прочесть о желаниях и мечтах девушек.

Да, ваиа хранит древнюю культуру моего народа.

Она является своего рода выражением национальной сущности и явление не временное, а исторически сложившееся, и поэтому, мне кажется, не должно и не может исчезнуть без следа. Мы должны защи-

щать и беречь народное творчество, будь оно в форме ваиа, стиха, дидактического поучения, керамики. Может, все старые, добрые обычаи связаны с хранением древней культуры, искусства, умения?.. Взять хотя бы улахи. Собирались девушки в какой-нибудь дом, рукодельничали. Но не простую работу выполняли они, здесь каждая показывала свое мастерство, умение. Это было своего рода соревнованием мастериц.

Выбирай девушку себе по душе — в хороводе, жену — в улахе. Сейчас нет улахов. Почему бы лучшие традиции улаха не ввести в клубы? Ведь были же в двадцатые и тридцатые годы красные улахи...

Это и есть культура социалистическая по содержанию, национальная по форме.

Агатуй — свадьба плуга с землей...

А древние агатуи? Тоже забыты. Агатуй — праздник весны, красоты, силы и мечты. Агатуй в дословном переводе — свадьба плуга с землей-матерью. Современные праздники песни взяли кое-что из древних агатуев. Но мало. Самые лучшие игры — конские скачки, национальная борьба, — ведь они забываются...

Агатуй... А сейчас, к сожалению, очень редко можно увидеть и сарнай — прекрасный музыкальный инструмент — в руках редких-редких умельцев.

Агатуй... Вспоминается случай из жизни. Поехал я однажды в конце весны в один район, что на севере республики. И вижу: во многих людных местах огромные объявления. Мол, такого-то числа будет в районном центре праздник песни.

Было время такое, когда некоторые незадачливые руководители решили агатуй полностью заменить праздником песни.

Подхожу ближе к одному объявлению и вижу: мелкими буквами сбоку добавлено — «агатуй». Это меня заинтересовало. Смотрю повнимательнее на другие объявления, везде мелкими буквами сделана приписка — «агатуй».

На мой недоуменный вопрос руководители района объяснили:

— Требуется провести праздник песни.

— А почему на всех объявлениях приписали слово «агатуй»?

— Чтобы народ пришел...

Поучительно? Да, очень поучительно, но в то же время печальный пример!

Посади дерево

Решил пройтись по селению. Выхожу на улицу. На перекрестке улиц Ендимеркасы и Сюльдикас у ворот дома старый дед сажает ветлу.

Поздоровался, пожелал ему по обычаю удачи. Спрашиваю: можно помочь?

— Нет,— говорит,— сам уж закончу. Так надо.
— А что случилось? — спрашиваю.— Почему это так надо?
— Внучка родилась. Вот и сажаю дерево по древнему нашему чувашскому обычаю. Понял?

Да, я вспомнил, что у чувашей была древняя традиция: покупает, скажем, человек корову или гуся, или же коня, то обязательно сажает дерево. Родится в семье ребенок — сажает дерево. Эта традиция основывалась на отголосках древней религии, по которой считалось, что каждая живая душа должна иметь свое дерево, чтобы бог-покровитель этой души мог сидеть на нем и хранить ее. Древняя религия давно забыта. А сажать деревья люди не переставали. Но теперь и этот обычай забывается. И в селении мало деревьев, и леса уничтожаются.

Почему же не возродить эту замечательную традицию в хорошем, современном понятии? Родился человек — сажай дерево. Пусть растут вместе — и дерево, и человек.

Когда-то я написал на эту тему:

Звездных верований старе,
Древний миф гласил,
что отродясь
Опекали душу всякой твари
Боги, на деревьях поселясь...
И селился бог на древе этом,
И звенели птичьи голоса.
Именно тогда, по всем приметам,
Разрослись в Чувашии леса.
Если бы языческий обычай
До сих пор не потерял бы прав,
Слышен всюду был бы посвист птичий
В прирешественном шелесте дубрав.

Подарок старого друга

Недалеко от нашего селения, в небольшой деревушке Уби, есть у меня старый друг Шан-Шаккай мучи. О-о, давно уже мы с ним не встречались. Как он живет? Коль пошел такой разговор, не могу не вспомнить о нем.

Шан-Шаккай мучи — мудрец, своего рода философ. Он хранит в памяти древние поговорки и пословицы, многие из которых характеризуют целые эпохи жизни народа.

«Пройдешь семьдесят верст и вернешься назад, поговори тогда с семидесятилетним старцем».

«Если народ дружно станет, то и по сухому руслу баржа двинется».

«Та земля, на которой ты родился, для тебя мать. Когда дитя пла-

чет, у матери грудь болит. Когда дитя спотыкается, у матери слезы текут. Когда дитя славу завоеует, мать молодеет».

Это его пословицы. Но люблю я его не столько потому, что он хранит в памяти древние поговорки и пословицы, еще и потому, что лучшего мастера резьбы по дереву нигде более не сыскать. Это он подарил мне кэлэ — деревянный замок, который открывается только после того, как пропоет три раза «ку-ку».

В доме Шан-Шаккая мучи встретила меня небольшого роста круглолицая женщина, невестка деда.

— Пусть будет легка его земля, — сказала она мне. — В прошлом году похоронили.

Она повела меня на его могилу. Я ее сразу узнал. Она выделялась из всех остальных тем, что на могиле не крест, а столб, украшенный деревянной резьбой, вершину которого венчает красный круг, тоже украшенный удивительным орнаментом.

— Сам готовил. Говорил: для доброго человека — доброе имя будет памятником, для него, мастера, — его дела.

Я долго стоял перед могилой этого человека, мудрого, умного, который и после смерти учит людей любить прекрасное, народное...

— Тебя он ждал перед смертью, — говорит мне невестка. — Всем своим знакомым, друзьям подарил он свои резные игрушки. А для тебя просил сохранить Таш ташла Ташлая.

— Неужели и его смог вырезать? — удивился я.

— Да. Это его последняя работа.

Таш ташла Ташлай, которого мучи велел оставить для меня, был совсем похож на того сказочного героя-музыканта, который рисовался в моей памяти. Такой же курносый, толстощекий, всегда улыбающийся. Это внешние атрибуты. Но ведь Таш ташла Ташлай тем и отличается от других музыкантов, что сам он играет на гармошке, сам стихи говорит и сам пляшет.

— Вот на эту кнопку надо нажать, — говорит мне невестка старого и мудрого Шан-Шаккая мучи.

Я осторожно нажимаю.

Моему удивлению нет конца-края. Вдруг заиграла гармошка, руки музыканта так и бегут по клавишам, задвигалась голова, рот, лицо, а потом... заплыл мой деревянный музыкант. Совсем так, как в сказке. Сам играет, сам поет, сам пляшет. Только музыки не слышно.

— Не успел доделать, — объясняет невестка старого Шан-Шаккая.

Я вернулся домой с подарком своего старого друга и думами о древнем искусстве моего народа.

Не хочу, чтобы пришло старое, но...

Мать поставила самовар. Сели за стол. Выпили чашку чая. Взглянул на дно: кругообразные линии, нанесенные золотистой краской. Чашки есть, хорошие. Но нет древнего искусства. Помню, я был еще ребенком,

когда на агатуях один хромой чуваш продавал глиняные тарелки, чашки, разрисованные красивым орнаментом. Люди брали эти чашки, как очень дорогую вещь, и ставили на стол, когда приходили гости. Где теперь такие чашки? Почему их не делают? Я хочу, чтобы, выпив европейский чай до дна, мои дети увидели легендарного Улыпа, сказочных героев и ознакомились с древним искусством моего народа.

Вот деревянная ложка. Вернее, ложки. Их несколько. Все они разрисованы на один манер. Вроде бы и красиво. Но Шан-Шаккай мучи не стал бы брать их в руки. Он сказал бы: «Вкус надо иметь к каждой вещи». И вырезал бы несколько ложек, беря в руки которые люди прочли бы какую-нибудь удивительную сказку или же стали бы добрее, как после прочтения хорошей книги.

Помню поспорили мы с одним другом.

— Ты что, хочешь, чтобы снова было старое? — говорит он.

— Нет, я не хочу, чтобы пришло старое. Но я хочу, чтобы, беря ложку, сделанную чувашским мастером, ребенок восхитился бы и подумал: «Прекрасны сказки и легенды моего народа, как его душа». Ведь можно ложку сделать, как произведение искусства, — говорил я ему.

Вот электрическая лампочка. А когда-то избу чуваша освещала деревянная лучина. Совсем не хочу, чтобы она опять появилась, но я хочу, чтобы мои дети учились любить прекрасное. Где дерево, которым чуваша прославили себя? Почему оно не украшает наш быт, нашу жизнь?

Чувашская вышивка восхитила людей на Всемирной выставке в Монреале, но наша резьба по дереву там не была представлена. И глина, из которой чуваша делали десятки красивых вещей, лежит нетронутой.

На улице играют ребятишки, проходят машины. Гусята подбегают к гусыне, вспугнутые машинами.

— Хочешь кастиле? — говорит мать. — Только что сварилось.

— Кастиле?.. Конечно, хочу, мама!

Помнишь ты, мать, что я люблю это кушанье. Суп из овощей, сваренный на молоке.

На тарелке передо мной кастиле... Я ем этот суп и думаю о той книге, которая осталась у меня на рабочем столе в Чебоксарах, «Чувашские национальные блюда». Так написано на обложке этой книги. Суп из субпродуктов. Овощной пирожок. Такие блюда даны там. Да, есть такие блюда у чувашского народа. Но ведь они имеют названия! Где они? Где какой-шюрби, где хуран-кукли, где вот этот кастиле, который передо мною... Почему мы и наши друзья, которые хотят попробовать чувашские национальные блюда, не должны их называть своим именем?

И вновь думаю о Шан-Шаккай мучи. Ведь он — это целая школа. Не стало его, не стало больше такого мастера в округе. Неужели и древнее искусство его должно исчезнуть?

Мне кажется, пора открыть и у нас в Чувашии артели народных умельцев! Пора специально заняться изучением древних обрядов, как агатуй, древних обычаев, древнего народного искусства и самое ценное из них отдать нашей советской педагогике. Человечество, развиваясь и совершенствуясь, сохранило в памяти и оставляло для потомков самое ценное, что было на его пути. Так было и в воспитании подрастающего поколения. И если мы всю историю педагогики видим огромным сосудом, то только самая малая часть его принадлежит научной педагогике. Все остальное — народная педагогика. И в системе коммунистического воспитания сегодня мы должны как можно полнее использовать всю эту лучшую часть национальных педагогических традиций.

Ненасытность познания

Мне было шесть лет. Война. Постоянное недоедание. Не хватает даже съедобных трав. Все, что могло быть съедено, собиралось людьми. Продав клеть на дрова, мы купили картошки. Мать поставила на стол чудесно дымящийся чугунок с картошкой. Нас было пятеро детей. Мы сидели вокруг стола с голодными глазами. Я не выдержал, схватил картофельину и обжегся. Усиленно стал дуть на пальцы.

Мать сказала: у ненасытного в горле ком застрянет, не торопись, сынок, все для вас, ешь и не торопись.

Я покраснел и запомнил эти слова на всю жизнь.

Но в мире есть другая ненасытность — познание. И здесь нельзя быть стеснительным, нельзя не торопиться. Нельзя нам терять то, что накоплено многими поколениями. Нельзя терять дидактические примеры, образы, сравнения, веками созданные народом.

Огненный конь через Волгу смотрит — говорят чувашки об утренней заре. А о Луне говорят — ходит-гуляет бледнолицая девушка. Беременную женщину называют — имеющая сорок ногтей.

Своеобразные образы, не так ли? Собирать бы их! Изучить бы их! И обогатить бы ими свои книги, свою литературу. Тогда и мир вокруг нас еще больше бы раздвинулся и стал бы еще прекраснее.

Волшебные сурбаны

Я храню много сурбанов моей матери и бабушки, похожих на длинные полотенца и вышитых изумительными орнаментами и фигурами. Есть среди них и сурбан моей прапрабабушки. Все они мне кажутся волшебной открытой книгой, рассказывающей историю народа с древних времен до наших дней.

Холодными зимними днями ткали чувашские женщины свои неповторимые сурбаны, думая о летнем дне, когда возвращенное солнце разогревает весь мир, как красочный мир искусства вызывал в душе у человека теплые чувства. Для маленького чувашонка сурбан был первой

встречей с миром искусства. Глядя на материнскую работу, он учился видеть красоту, он учился понимать прекрасное. Девочки с малых лет обучались этому искусству, а мальчики привыкали благоговеть перед теми, чьи руки творили мир прекрасного. В семьях сурбан пусьси — самые красивые отрезы сурбана — хранились как зеница ока. Умирая, бабушки дарили их своим внукам. Это считалось самым большим подарком. Женщина была хранительницей не только семейных преданий и легенд, но и мира прекрасного — разного рода вышивок, тамга-знаков.

И становились чувашки настоящими, неповторимыми мастерицами по вышиванию, их искусство изумляло людей. Недаром приезжие люди восторженно писали: «И сквозь века из рода в род у чувашей передавалось их замечательное искусство, их неповторимое острое и верное чутье звука и цвета, рождавшее изумительный орнамент и изумительную песню».

Возведя сурбаны и многие добрые обычаи и традиции народа в разряд проклятого прошлого, не совершили ли мы ошибку? Не подточили ли фундамент здания народной педагогики? Не разучились ли любить прекрасное, уважать прошлое, гордиться трудами отцов и дедов, матерей и бабушек?..

Случай из детства

Опять вспоминается детство.

Однажды ночью случился пожар. Загорелся дом наших соседей. Все, кто спал в доме, выбежали на улицу. Они ничего не успели захватить с собой. Из окон, из двери тянулись в летнюю ночь длинные и злые языки пламени.

Женщины хотели забежать в дом, чтобы вынести кое-что из добра, но пламя не давало подойти даже к двери.

Я стоял рядом с соседским мальчиком, который, казалось, оцепенел от ужаса.

Вдруг послышался крик. Крикнул он, соседский мальчик. Я не успел разобрать его слова, потому что сам закричал от испуга. Он, соседский мальчик, обогнав женщин, безуспешно пытался зайти в дом и бросился прямо в огонь... вернее, в дверь, откуда выбрасывались языки пламени.

Люди зашумели, закричали. Женщины замахали руками. Двое юношей крикнули, чтобы их окатили водой. После этого они собирались еще раз атаковать огонь и проникнуть в дом, чтобы спасти мальчика. Но не успели. Ахнув, как раненая птица, соседка бросилась в дом. Их спасли подоспевшие пожарники.

Что же толкнуло мальчика прямо в огонь? Оказывается, он вспомнил о единственной фотокарточке отца, погибшего на войне в 1942 году. Фотокарточка висела на стене и была для мальчика, оставшегося

с пяти лет без отца, самой большой и, может быть, единственной пока святыней. Он хотел спасти эту святыню.

А для матери единственный сын был дороже своей жизни. Ради спасения жизни сына она готова была на все.

Что это, инстинкт, да? И мальчик, и его мать в ту минуту не задумались, что может случиться с ними, что могут погибнуть. Они хотели спасти, что им было дороже всего.

Живя тысячелетиями на этой земле, народ просеял через невидимое сито все культурные ценности, и то, что донес до нас, видимо, было дорого для него.

Народная педагогика — великая мудрость, она посеяна золотыми россыпями в обычаях, сказках, поучениях, одежде, вышивках, отражена во всем, чем жив человек. И поэтому не надо торопиться забывать, объявлять лишним, что на первый взгляд нам сейчас кажется лишним. Как бы нам вместе с водой не выбросить и ребенка, в которой его купали!

Душа ребенка и белая палочка

Бабушка говорила: «Душа ребенка чиста как белый снег, падающий с неба. И писать на ней надо белой палочкой, такой же чистой, как она сама. Проведешь один раз черной палочкой, то уже всю душу замараешь...»

Всегда ли мы держим в руках белую палочку?

Если вдуматься, белой палочкой является и народная педагогика, и добрые обычаи, традиции, сказки, поучения... Все, чем жив человек... Пусть тогда все это будет чистым. Такой же, как наши ныне сбывающиеся мечты о прекрасном коммунистическом обществе...

В нашей стране сейчас проводится реформа школьного обучения. Это по сути научно обоснованная программа совершенствования системы школьного образования, коренное улучшение всего дела обучения и воспитания, подготовки молодого поколения к жизни и труду, осуществление ленинского принципа советской школы — соединения обучения с производственным трудом — в условиях зрелого социализма.

Министерство просвещения Чувашской АССР попросило меня внимательно просмотреть все учебники и хрестоматии, изданные за последние годы для наших школ, и написать обзор взглядом бывшего учителя, ныне писателя, работающего более четверти века на этом поприще. Основными недостатками старых учебников и хрестоматий, на мой взгляд, являются отсутствие преемственности в подаче материалов, слабое знание составителей и авторов наших достижений в культурном строительстве, неумение связывать народную педагогику с требованиями современного учебно-воспитательного процесса. Более всего меня встревожило то, что учебники и пособия по внеклассному чтению для младших классов абсолютно не отражают достижений нашей детской литературы, в них также отсутствуют лучшие примеры первых буква-

рей. А лучшие достижения народной педагогики в них очень слабо представлены. А ведь в «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» особо подчеркиваются задачи и пути повышения качества учебно-воспитательного процесса в школе, изучения возрастных, индивидуальных и психологических особенностей школьников как важное условие эффективности педагогического процесса, указывается, что эстетическое воспитание учащихся — одно из условий формирования гармонически развитой личности, и в связи с этим важное значение имеет изучение, обобщение и распространение передового опыта школ и учителей, также лучших достижений народной педагогики, которые веками укоренились в народе как формы педагогических приемов и воспитательных примеров.

И в создании новых учебных программ, пособий, хрестоматий примеры из народной педагогики не должны быть забыты.

Говоря словами старого учителя, пусть дерево нашей жизни будет с глубокими корнями. Да, да, с глубокими корнями, уходящими в глубь веков народной жизни, веры народа в изначальное добро человеческого существа, в красоту его мечты о счастливом для всех будущем...

СОЛНЕЧНЫЕ НОЖКИ

Тракторострой...

Ты вошел в мою жизнь, как погожий весенний день. Я полюбил тебя. Ты в моем сердце. И всегда останешься в нем.

Современная стройка — это, конечно же, и сотни машин, и тысячи тонн стальных конструкций, и миллионы кубометров земляных работ. Но стройка — прежде всего люди. Их руками, их разумом и волей творится все новое на Земле. Именно о людях, о рабочих Тракторостроя, крупнейшей стройки страны, я и хочу рассказать...

Песня жаворонка

Погожий день. На небе ни облачка. Похоже, что весь день будет палять горячее солнце.

Иду к производственной базе. У входа стоит мощная машина «МАЗ». Недалеко от дороги — подъемный кран СКГ-63. У его опущенной стрелы разговаривают двое: голубоглазая стройная девушка в спецовке и красной косынке и высокий парень. Она — крановщица, а он — шофер «МАЗа».

— Вчера я тебя ждал больше часа, — говорит парень. — Хотел пригласить на оперу «Нарспи». И билеты достал... — Парень волнуется, это можно понять по голосу, и робко обижен.

Девушка, всматриваясь в блестящий стальной крюк крана, как в зеркало, поправила волосы и повернулась лицом к нему. В ее глазах блеснула лукавая улыбка.

— Я готовилась к экзаменам.

Лукавства девушки парень, кажется, не замечает.

— И сегодня будешь готовиться?

— И сегодня.

Они замолчали. Глядя то друг на друга, то себе под ноги, они стоят и молчат. Потом парень прерывающимся голосом спрашивает:

— Может, все-таки встретимся после работы? Я буду ждать тебя около остановки автобуса.

Со стороны дороги послышались раздраженные гудки машины. Оказывается, «МАЗ» мешает другим машинам проехать на базу.

— Остановил машину на дороге и гуляет! — ворчит шофер ближнего самосвала, широкоплечий мужчина лет сорока.

— Парень, да ты что?! — подхватили другие.

Шофер «МАЗа» выбежал на дорогу. Вид у него несколько несчастливый: девушка опять не пообещала прийти, а тут все кричат на него.

— Где тебя носит? Трогай быстрее своего «зубра»!

Небольшое черное облако закрыло солнце. Вдруг стало темно, неуютно, сыро. Подул холодный ветер.

Парень, видать, пуще прежнего заволновался, никак не может открыть дверцу своей мощной машины.

— Давай, давай! Скорей! — сердито торопят его водители самосвалов. Гудки машин сливаются в угрожающую какофонию.

И тут звонкий девичий голос перекрывает все:

— Славка, я приду! Жди меня!

Девушка-красавица быстро взлетает по лестнице к своей кабине и сверху еще раз кричит:

— Я приду!..

Сорвав с головы красную косынку, помахала ею, будто хотела передать ему свою нежность, свою любовь.

А водители самосвалов перестают давить клаксоны своих машин. Куда только девалось сердитое, чуть ли не разъяренное выражение на их лицах?

— Ничего, ничего, ты не торопись, — проговорил тот широкоплечий мужчина лет сорока. — Мы не спешим. Мы ведь того... решили вот покурить!

Он вытащил из кармана пачку сигарет, стал угощать своих товарищей, других водителей.

Черное облако, что закрыло солнце, вдруг растаяло. Заулыбалось вечное светило, все в округе стало красивым и ясным, бесконечно близким. Повеяло с юга теплым ветром.

В глазах шофера сияла нежность, добрая ясная улыбка...

Пышет мощным теплом от машин. Дымок сигарет поднимается в небо. Тихо, и в этой тишине вдруг со стороны поля донеслась песня жаворонка. Она удаляется, поднимаясь все выше и выше, в небо, белесое от зноя. Сыплется, сыплется песня жаворонка...

Похоже, что эта улыбка, сиявшая в глазах людей, дымивших сигаретами, превращается в солнечную песню птицы, что это она поднимается к солнцу.

Девять кирпичей

Как-то задержался я на строительной площадке. Провели в комсомольском штабе стройки совещание. Мы, активисты, обсудили, как нам улучшить работу с молодежью, приехавшей из братских республик и соседних областей.

После совещания я не стал ждать попутного транспорта, пошел пешком к остановке автобуса.

Уже выходил к шоссе, как вдруг увидел человека, идущего навстречу с большой ношей. Узнал друга — Валерия Николаевича Николаева, заслуженного строителя Чувашской АССР, бригадира комплексной бригады СУ-10. Его я могу заметить по размеренному, легко плывущему по земле шагу среди тысячи людей. Только вот что он несет? Всмотревшись получше, понял: кирпичи. Да, да! Обыкновенные красные кирпичи.

— Что случилось? — спрашиваю. — Где нашел? И почему идешь назад?

— Э, и не говори! Какой-то чертенок уронил. Девять кирпичей. Хорошие, добротные.

— Где уронил?

— У поворота дороги.

— И куда ж ты теперь думаешь их девать?

— Хочу отнести на строительную площадку. Не пропадать же им. Народное добро! Наше добро! — И он зашагал в сторону стройплощадки.

— Подожди, Валерий Николаевич, — остановил я его, — дай помогу. Одному тяжело.

Он очень обрадовался, отдал мне четыре кирпича. Себе оставил пять. И мы пошли с ним вместе.

А навстречу нам — паренек молодой, фуражка набекрень.

— Что вы таскаетесь с этими кирпичами? — удивился он.

— Да вот какой-то нерадивый шофер уронил на повороте дороги, — ответил ему Валерий Николаевич.

— И вы из-за этих девяти кирпичей возвращаетесь? — Парень хмыкнул в рукав.

Это вдруг рассердило Валерия Николаевича.

— Говоришь — из-за девяти кирпичей?! Да знаешь ли ты, что будет, если каждый день мы будем терять по девять кирпичей? — Он нахмурил густые, мохнатые брови. — Чьи они? Наши, общие. А ты — «из-за девяти кирпичей»... Кирпич к кирпичу, так и дома строим.

— Ну уж и сказали: «Дома строим...» — опять ухмыльнулся парень.

— А как же, — теперь спокойнее принялся объяснять ему Валерий Николаевич. — Ты знаешь решение тракторостроевцев, в котором сказано: «Первые десять тракторов, которые выйдут из ворот Чебоксарского завода, построенного нашими руками, будут изготовлены из металла, сбереженного тракторостроевцами!» Знаешь?

— Знаю.

— А как же ты будешь беречь материал, если кирпичами начнешь бросаться?!

— Ну уж завели разговор из-за девяти кирпичей...

Валерий Николаевич, повернувшись, зашагал дальше. Я последовал за ним. Видно было, что разговор с пареньком расстроил его.

— Еще молодой. Видать, недавно на стройке, — сказал он. — Всего еще и не понимает.

Через некоторое время я встретился с тем пареньком. Увидев меня, он смутился. Потом поздоровался и сказал:

— Вы извините меня. В тот раз не прав был я. Держал себя как мальчишка. Я уже извинился перед Валерием Николаевичем.

— Разве ты знаешь его? — удивился я, прикидывая в уме, какое множество людей работает на стройке.

— А как же не знать. Его вся стройка знает. А его девять кирпичей мне глаза открыли: заставили посмотреть на многое по-серьезному, понять, что и я тракторостроевец...

Счастье человека

Крановщик Валерий Петров заболел. С воспалением легких его положили в больницу.

«Ах, как не вовремя! — злился Валерий. — Под монтаж сдают новый корпус, а я здесь валяюсь!..»

Действительно, на стройке была горячая пора. Каждый день простоя крана Петрова дорого обойдется. Но ничего не поделаешь: болезнь не считается с графиками стройки.

Валерий досадовал и потому, что теперь наверняка он уступит первое место в соревновании Николаю Алексею, тоже крановщику.

Николай был его другом, но уступать все равно не хотелось. Николай Алексеев — передовик, постоянно перевыполняет нормы. Обогнать его в соревновании — почет на всю стройку. Валерий надеялся в этом месяце победить Николая. Если бы не это чертово воспаление легких!

Вечером к Валерию пришел его сменщик, принес гостинцы.

— Лежи, лечись и ни о чем не думай, — успокаивал он. — Главное — здоровье, а остальное приложится. Да, от Николая тебе привет, говорит, сам на днях зайдет.

Валерию хотелось увидеть Николая, и он ждал его с нетерпением. Но прошел день, другой, третий, а того все не было. Только на четвертые сутки, в воскресенье, он наконец появился.

Валерий сразу заметил, что Николай изменился за эти дни. Осунулся, похудел, какой-то вареный, усталый. И разговаривал вяло, не то что раньше. О своей работе ничего не рассказывал.

«Что у него случилось?» — тревожился Валерий после его ухода.

Тем же воскресным вечером в палате объявился сменщик Валерия. Он был шумный, веселый.

— Ну, больной, — крикнул он с порога, — каков твой друг! Доволен?

— Чем доволен?

— Разве он тебе ничего не сказал? — удивился сменщик. — Николай Алексеев, как только узнал о твоей болезни, решил работать и за себя, и за тебя, чтоб соревнование не останавливалось, чтоб никакая болезнь, никакой микроб ему не мешали. Каждый день по две нормы дает: одну — за себя, другую — за тебя. Неужели он тебе ничего не сказал?

Валерий понял, почему его друг выглядел таким усталым.

В десять вечера в палате погасили свет. Валерий долго лежал, закинув руки за голову, смотрел в потолок и размышлял о разных вещах. Например, о настоящей мужской дружбе. А потом легко и незаметно заснул и не видел снов, а наутро проснулся с нормальной температурой.

Солнечные ножки

Владислав, рослый, крутоплечий парень, приехал на Тракторострой из Курской области по комсомольской путевке. Ему всего двадцать один год. Но он уже мастер на все руки: и кровельщик, и маляр, и штукатур.

Мы с ним друзья, хотя он и считает себя моим учеником. Он изучает чувашский язык, и я ему помогаю.

— Зачем тебе еще один язык? — спросили у него однажды товарищи.

— В чувашечку одну влюбился. А отец у нее строгий, не выдам дочь, говорит, за человека, не знающего чувашский, — отшутился тогда Владислав.

Но я знаю мечту Владислава: он готовится поступить в университет, хочет стать ученым-тюркологом. Вот и старается, пока есть такая хорошая возможность, говорить по-чувашски.

Как-то возвращались с ним с Тракторостроя в город. Солнце уже клонилось на запад, оттуда тянулись черными барашками мохнатые облака. Лучи солнца, только что освещавшие крышу сдаточного корпуса, погасли.

— Как будет «солнце» по-чувашски? — спросил Владислав.

— Хевель.

Я ему стал рассказывать о разных понятиях, связанных с солнцем. Чувашки относятся к нему как к живому существу. В нашем языке есть понятия «солнечные ушки» и «солнечные глазки». А лучи солнца по-чувашски — «солнечные ножки». Владиславу понравилась эта образность:

— Эх, был бы я поэтом, написал бы стихи под названием «Солнечные ножки»!

И вот недавно прибежал он ко мне.

— Написал, написал! Смотрите, напечатали! — крикнул он с порога.

— Что, стихи? — удивился.

— Нет, статью.

И он показал мне молодежную газету Курской области. В ней был опубликован его очерк о строителях Чебоксарского тракторного. Очерк назывался «Солнечные ножки».

Квартира

Геннадий Сидоров — ладно скроенный, веселый и общительный парень. Экскаваторщик. Он русский, приехал сюда из Воронежской области в самом начале строительных работ и по праву считается ветераном. В прошлом году ему исполнилось двадцать шесть. В прошлом году и женился.

Избранница Геннадия — чувашка, зовут ее Верук. Она тоже работала на Тракторострое, штукатурица.

Вскоре после свадьбы молодоженам обещали дать однокомнатную квартиру в Новоюзном районе Чебоксар.

— Новоселье уже справили? — спросил я как-то, встретив Геннадия.

— Нет еще. Но наш дом уже сдали, завтра-послезавтра получим ордер, — ответил он. — Я-то не спешу, только вот Верук не терпит. Сам понимаешь, молодая хозяйка...

С тех пор прошло довольно много времени. «Ну, думаю, мои друзья; наверное, уже обжились в новой квартире. Надо как-нибудь провести их».

Недавно на промышленную базу доставили новые подъемные краны. Я узнал, что одна машина досталась Сидорову. Дай, думаю, повидаю Геннадия и заодно новый кран посмотрю. Геннадий увидел меня и замал рукой из кабины: поднимайся, мол, ко мне.

Поднялся.

— Работает, как зверь, — сказал Геннадий, показывая приборы в кабине.

— Ну, — сказал я, — значит, в твоей жизни много новостей. И кран новый, и квартира новая. Может, и еще что-нибудь новенькое?

— Квартиры еще нет, — вздохнул Геннадий. — Мы пока в общежитии.

— Как квартиры нет? — удивился я. — Ведь обещали, и решение было. Что случилось?

— Беда случилась. У подружки Верук дом сгорел. А у нее семья, годовалый ребенок. Дом-то деревянный был... А трест все ордера уже распределил...

— Значит, трест квартиру им отдал?

— Да нет же! — удивился Геннадий моей недогадливости. — Верук говорит мне: «Мы, Геннадий, можем немного и подождать. У нас пока нет детей».

— А теперь когда же вам будет квартира?

— Будет! — беспечно ответил Геннадий. — Как у вас говорят: до того доживем, что еще наживем. — Геннадий произнес поговорку по-чувашки, чисто, совсем без акцента. Видно, из Верук получился хороший учитель.

Отец и сын

Мокрый снег, что шел всю ночь, внезапно перестал. Погода вдруг прояснилась. Показалось солнце. Вся окрестность оживилась особой, неповторимой красотой поздней осени. Шагается легко. И дышится легко. Прохладный воздух освежает лицо.

Мы, несколько литераторов, договорились собирать материалы для истории будущего предприятия, организовали своеобразную редакцию на общественных началах. Пока наша задача — всемерно отразить в своих записях дела строителей.

Нас, членов редакции истории завода, не удовлетворяет роль постоянного свидетеля, случайного созерцателя трудовых событий тракторостроителей. Чтобы иметь полное представление, мало бывать изредка на стройке, мало «в общем и целом» увидеть размах Тракторостроя, его масштаб. Нам прежде всего важно понять, почувствовать «душу» стройки. Для этого надо окунуться в самую гущу событий.

И я стараюсь это делать, хожу сюда ежедневно, как на работу.

Каждая встреча со стройкой приятна мне, дает новый творческий заряд. Я чувствую, что становлюсь как бы богаче.

Сегодня опять иду туда, где у меня много друзей. В бригаду Виталия Иванова. Виталий Григорьевич невысоок ростом, по-юношески стройный, худощавый мужчина. Внешностью он не приметен: типично чувашское лицо с чуть выдающимися скулами, живыми карими глазами.

С ним легко беседовать, иногда, кажется мне, он понимает собеседника с полуслова. С юных лет он мечтал стать строителем. В родном селе чуть где заступают топоры — Виталий тут как тут. Обхаживает плотников, которые рубят венцы будущей избы, ходит: может, позовут. А те видят, что паренку до истомы хочется помахать топором, просят:

— Подсобил бы, Виталь, а?

Второго приглашения он не ждет. Так и получалось у него: в одной избе он пару венцов уложил, в другой — стропила навел, в третьей — наличники справил. А были в этом селе, да и в других местах долины реки Энеш, избы, от корешка до вершка срубленные родом Ивановых — отцом и дедом Виталия. Отсюда, видимо, и шло желание строить.

— Хотелось на большую стройку, — рассказывал он мне. — Но куда?

Это его неясное желание было схоже с тихим ручейком, что неслышно журчит себе под серебристыми раkitами, пока не волеется в большую реку. Уже ходуном ходила земля на строительной площадке будущего Чебоксарского завода промышленных тракторов, тогда-то жизненный сюжет Виталия Григорьевича и дал крутой поворот, для которого непонятный и необъяснимый, а для него самый что ни на есть закономерный. Правда, не молод уже, да ведь жизнь меряют не только теми годами, что за плечами, но и теми, что в душе.

Стал Виталий Иванов бригадиром маляров на Тракторострое. Плохого художника часто называют маляром, хорошего маляра — художником. Иванов стал маляром, которого можно уподобить художнику. Конечно, он не украшает фресками промышленные объекты. До этого пока далеко. Но Григорьевич — художник по сути своего отношения к делу. Простая вещь — колер. Он может быть звонким, словно колокольчик под дугой свадебной упряжки. Может быть и глухим, как пыльная столешница. Как найти эту звонкость? Собираются всей бригадой, что-то там колдуют с красками: сделают мазок, ждут, когда подсохнет. Красиво? Красиво!

— Тогда пошли, ребята! — командует Иванов.

Пошли. Только ведь красивый колер — это еще полдела. Надо так положить краску, чтобы поверхность была бархатистой. Если же учесть, что таким образом покрываются тысячи квадратных метров стен и потолков, то тут уж видно, как сопрягаются понятия: «художник» и «маляр». Не хочу обидеть художников, хочу их званием возвысить труд маляра.

— Отец! — слышалось за нами.

К нам идет статный, широкоплечий парень.

— Это вот мой старший сын, — знакомит меня с ним Виталий Григорьевич. — Владислав. Здесь же, на стройке работает. Тоже бригадир.

Глядя на отца и сына, я вспомнил разговор, свидетелем которого был месяц назад. В двенадцатое строительное управление прибыло пополнение — молодые ребята, только что окончившие профтехучилище. Кадровики — народ тертый, в один голос говорят:

— Тут нужен бригадир не просто толковый, но и возрастом постарше. Молодежь-то еще без пера, один пушок. Ей нужны и бригадир, и учитель. Обязательно нужен человек постарше.

— А почему? — не соглашался с ними начальник управления. — Не надо бояться молодости бригадира. Давайте посмотрим на Владислава

Иванова. Молод, горяч, строптив. Но требователен, справедлив. Что еще надо? Ведь отлично руководит бригадой.

— Так-то оно так, — согласились кадровики, — только какой ему резон уходить из передовой бригады? Там дело отлажено, а тут — все заново.

— Это уже другой разговор. Однако, думаю, он согласится. Или молодой Иванов не будет Ивановым.

Потом я узнал, что Владислав Иванов принял новую бригаду.

«Значит, ты и есть тот молодой Иванов, о котором спорили, — думал я, глядя на него. — Видать, по стопам отца пошел...»

Спрашиваю: «Как дела в новой бригаде?»

— Нормально, — отвечает. — Подумываем уже о перевыполнении плана. Вчера было комсомольское собрание. Поговорили по душам. И о промахах, и об упущениях, и о достижениях... Решили четвертый квартал закрыть досрочно. Думаете, не сделаем? Сделаем! Обязательно сделаем! У меня что ребята, что девчата — огонь. Опыта маловато еще, зато азарта через край. Так что говорю смело: сделаем.

— А на каком участке ваша бригада?

— Здесь же. Настилаем битум на крыше сдаточного корпуса. А завтра начнем белить стены. Хотим как можно скорее сдать корпус под монтаж оборудования.

— Соревноваться пока ни с кем не начали?

— Начали. С бригадой... отца.

И оба Ивановых, довольные, улыбаются.

— И чья бригада ведет? — все допытывался я.

— Пока бригада отца, — оживляется Владислав. — Но мои ребята уже поговаривают, мол, неплохо бы старшего Иванова обойти. А я, знаете, верю им...

Владислав подписался на условиях договора социалистического соревнования, поговорил немного и заторопился в свою бригаду.

— Сыновьям повезло, — говорит Виталий Григорьевич, когда мы остались одни.

Оказывается, если он сам по праву отца зовется Ивановым-старшим, то Владислав тоже в некотором роде старший — по праву первого сына. Двое младших — Юра и Володя — служат в Советской Армии, тоже строители. Отцу пишут: «Весной демобилизуемся и сразу пойдем на Тракторострой». Только неясно пока, придут ли в бригаду отца или в бригаду брата, а может, сами станут бригадирами. Ивановы — народ хваткий, деловой, с артельной жилкой, умеют поставить себя в коллективе, да и не ищут легких дорог. У детей перед глазами пример отца.

— Да, что я не дострою, они доделают, — счастливо улыбается Виталий Григорьевич.

Парень в мохнатой шапке

Слабое зимнее солнце стоит в зените и, как стеснительная невеста, улыбается из-под облаков, старающихся закрыть его своими крылышками. Стало мягче, теплее. И снег уже не скрипит под ногами. Да, дело идет к весне.

И показалось мне, что и на строительной площадке народу прибавилось. Видимо, радуясь теплу, многие вышли на улицу.

Трехэтажное здание новой столовой не сегодня — завтра будет полностью готово. На нижнем этаже его идут последние работы.

— Что с тобой говорить! — слышу шутливый девичий голос. — Вот станет твоя бригада передовой, тогда и приходи в нашу свататься...

— Подождите, мы еще зная у вас отвоюем! — кричит с улицы голубоглазый парень в мохнатой шапке.

— Э-э, о знамени и не заикайся, — пальцами грозят ему девушки. — Мы его никому не отдадим!

Это девушки из бригады Ивана Салканова, завоевавшей по итогам квартала переходящее Красное знамя треста среди коллективов комсомольско-молодежных бригад. Вон узнаю Галю Николаеву. Она — ударница коммунистического труда, ее фотография висит на Доске почета.

— Куда уж вам! Видно, одни лоботрясы собрались: в самом хвосте плететесь, — смеется Галя.

— Ох, какие девчата в бригаде Салканова! — вздыхает завистливо парень в мохнатой шапке. — Как только они не устают! Смотрю на них и зависть берет: почему они не у нас?

— А ты из чьей бригады? — спрашиваю я.

— Пока не скажу. Скоро сами узнаете, — с каким-то волнением сказал он и торопливо побежал в сторону прессово-сварочно-сборочного корпуса. Я долго провожал его взглядом. Что он хотел сказать? Что об их бригаде тоже заговорят? Ну да, он же пообещал отвоевать знамя. Что же, может быть все. Человек, если очень захочет, может добиться самого невероятного.

«Союз пяти»

На строительство Чебоксарского тракторного завода прибыл Всесоюзный ударный комсомольский отряд. Встречали его торжественно, и в центре Чебоксар, на площади Ленина, состоялся митинг.

Там, на митинге, я познакомился с некоторыми из посланцев комсомола. Среди новых друзей оказалось пятеро статных, веселых парней: Михаил Цытюра, Михаил Яценко, Виктор Битюк, Николай Климчук и Степан Луконец. Все они ровесники, им по двадцать три года. И все украинцы, с Житомирчины, из одного села. И биографии у них, как у близнецов: учились в одной школе, служили в армии, потом вместе работали механизаторами. Потом все пятеро попросились сюда, в Чувашию, на строительство Тракторного.

— Мы с детства дружим, — рассказывали они. — И нас ничто не разлучит. Мы как пять пальцев на руке — «Союз пяти».

И действительно, этих пятерых друзей я всегда видел на стройке вместе. Стоит увидеть одного, поискать глазами — где-нибудь рядом остальные четверо.

Как-то встречаю я Степана Луконца. Один стоит, озирается по сторонам.

— А где остальные? — спрашиваю.

Степан развел руками:

— Распался наш «Союз пяти», — говорит. — Мы теперь только на работе видимся. А потом каждый сам по себе.

И я понял, что случилось: парни влюбились.

— Что же теперь будет? — допытываюсь.

— Что теперь?.. Теперь свадьбы будут. Виктор уже готовится. Конеч «союзу». Но мы, правда, придумали тут одну операцию.

— Не секрет, какую же?

— Хотим подружить наших невест. Кстати, тогда у нас будет полный интернационал. Мы — украинцы. А наши невесты: одна — чувашка, другая — русская, третья — татарка, четвертая — эстонка, пятая — мордовка. Вот так!

...Недавно я встретил пятерых друзей в театре. Шла опера «Нарспи». Они были со своими невестами.

— Вижу, операция удалась, — шепнул я Степану.

— Удалась! Вот построим Тракторный и вернемся на Украину, и будет нас уже не пять, а десять.

— Лучше бы пятнадцать, — пошутил я. — Или того больше.

— Хорошая мысль, — согласился Степан.

Песня

Я шел со стороны литейного комплекса к восточным пролетам прессово-сварочно-сборочного корпуса. Гудели машины, проезжая мимо, звенели сигналы подъемных кранов, рокотали бульдозеры. Стоял шум, какой бывает на большой стройке.

Вдруг, переборов весь этот шум, зазвенела песня. Пела девушка тонким, чуть задорным голосом. Я остановился, прислушался. Пели у северных бытовок прессово-сварочно-сборочного корпуса. Я знал: там работают маляры, заканчивают побелку стен и окраску оконных рам.

Песня мне очень понравилась. Задумчивая и в то же время радостная. Мелодия вначале показалась мне знакомой, но, прислушавшись, понял: нет, это не чувашская песня. Я постарался разобрать слова, но не смог. Песня не по-чувашски и не по-русски — слова мне были непонятны.

А песня неслась, как весенний ветер, все дальше, будто хотела всему миру рассказать о чем-то важном.

Я свернул с тропинки и пошел на голос.

У крайней бытовки работали пятеро девчат, они красили оконные рамы. Когда я подошел ближе, песня оборвалась.

— Кто из вас так хорошо поет, девушки?

Девушки посмотрели на меня, задорно улыбнулись и ответили:

— Мы все хорошо поем.

Видно, они приняли меня за человека, пытающегося завести мимолетное знакомство.

— Я серьезно спрашиваю, девушки, — попытался я с ними заговорить.

— И мы серьезно отвечаем.

Они были красивы, молоды, и им нравилось шутить.

— А на каком языке поете? — спросил я.

— На нашем...

— О чем была песня?

— О любви, конечно.

И они озорно засмеялись...

Через неделю меня пригласили в одно из общежитий тракторостроителей на выступление участников художественной самодеятельности. Там я нашел ответы на все свои вопросы.

Конферансье объявил:

— «Прилетел бы соловьем» — марийская народная песня.

На сцену вышла черноволосая девушка с родинкой на левой щеке. В ней я сразу узнал одну из тех, с которыми познакомился у крайней бытовки большого строящегося корпуса. Девушка на сцене чуть улыбнулась и запела. Она запела ту самую песню...

После концерта, выходя из зала, я увидел на стене несколько портретов передовиков. С левого края смотрела с фотографии та самая девушка, которая только что исполняла марийскую народную песню. Внизу было подписано: «Люба Павлова — ударница коммунистического труда, активная участница художественной самодеятельности...»

Голубой подснежник

Сердит, очень сердит старый бригадир Иван Антонович! И есть на то причины: цементный раствор до сих пор не привезли, люди вот-вот останутся без работы, план опять не будет выполнен. А бригада борется за право называться коллективом коммунистического труда.

— Ну как? Что он сказал? — вопросами встретил бригадир молодого рабочего, посланного к прорабу. И его густые брови нахмурились.

— Висит на телефоне... Будет, говорит. А когда, и сам не знает.

Рабочий, рассердившись на прораба, махнул рукой. Для него в данный момент он был самым плохим человеком.

— Он хочет подвести нас, как в прошлую неделю! — рассердился бригадир. — Тогда полдня сидели без раствора! Ох, черт усатый!.. Сам пойду сейчас к нему!..

Твердыми, солдатскими шагами Иван Антонович направился к прорабу сам. Издали заметил: какой-то человек в берете, в темном плаще присел у прорабской будки и собирает камешки.

«Ходят тут всякие,— сердито выругал его бригадир про себя.— От безделья страдают...»

Подошел ближе. И вдруг признал в человеке, собирающем камешки, прораба. «Ах, ты черт усатый! Вместо того чтобы бегать за раствором, детскими играми занялся!» — хотел крикнуть Иван Антонович.

И прораб заметил бригадира. Он сразу понял: Иван Антонович разъярен, ругаться будет. И опередил его.

— Иван Антонович! — позвал прораб. — Смотри, какой красивый цветок появился у нашей будки!

— Цветок? — ошеломленно переспросил бригадир. Хотел выкрикнуть, что не за цветами пришел, за цементом — и вдруг увидел тот самый цветок, около которого присел прораб. — И правда, — вырвалось у него. — Да это же сеспель — подснежник!

Он вдруг позабыл о своем гневе, присел к цветку рядом с прорабом, залюбовался и стал осторожно разбрасывать камешки, мешающие расти подснежнику.

В горячем труде Иван Антонович до сегодняшнего дня, до этого момента как-то и не задумывался о том, что пришла весна, что налились почки деревьев и появились первые цветы. Нет, он не сухарь какой-нибудь. Иван Антонович любит и солнечное тепло, и шумный ледоход, умеет радоваться песне жаворонка, трели соловья, красоте родной земли. Но в этом году он так заработался, что и не заметил, как пришла весна. Да, на Тракторострое горячая пора — приходится работать с утра до вечера...

— Ишь, нашел место! — улыбнулся Иван Антонович.

— Этот цветок — волшебный, — сказал в тон ему прораб. — У кого дела идут не в лад, у кого работа не спорится, тому надо подойти к нему, посмотреть, и тут же все пойдет как по маслу.

Услышав слово «работа», Иван Антонович нахмурился, вспомнив, зачем шел сюда.

— Я правду говорю, Иван Антонович, — видя, как изменилось лицо бригадира, поспешил прораб оправдаться. — Вот сегодня раствора нет и нет. Ничего сделать не могу. Ругаюсь со всеми, а что толку? Вся надежда на чудо... — Прораб вдруг замер с открытым ртом, уставясь куда-то вдаль перед собой.

Повернув голову назад, Иван Антонович понял, чему он удивился: по дороге шла вереница машин с раствором.

Вернулся бригадир к своим сияющий. И голос у него потеплел. Валерий Петров, самый молодой плотник в его бригаде, удивился такому превращению своего шефа.

— Что-то не то, Иван Антонович, — полушутливо сказал он, — не заменили ли нашего прораба молодой прорабшей?

— Ты видел в этом году молодой подснежник? — вместо ответа спросил у него Иван Антонович и радостно улыбнулся.

Крановщики

Солнце уже совсем-совсем по-весеннему улыбается с неба. На улице тепло, сухо, весело.

Хорошая погода или хорошие дела на стройке повлияли — так радостно на душе, что хочется петь.

Шагаю к прессово-сварочно-сборочному корпусу и любуюсь новыми переменами на строительной площадке.

Несколько дней назад между сдаточным и прессово-сварочно-сборочным корпусами были только бытовки и прорабские, а сегодня здесь высится, как огромный журавль, подъемный кран. Это новый СКР-1500. На нем работает экипаж Николая Коршунова.

Самого Коршунова не видно. Его сменщик Николай Санталов спустился вниз проверить рельсы.

— Наш СКР — очень мощный кран, — говорит он между делом. — Таких кранов мало пока в стране. Здесь без него просто не обойтись: ведь он до ста тонн поднимает.

Николай Санталов — русский, родом из Чувашии. После окончания сельской школы учился в Канаше. Уже многие годы работает на кране.

— Мы с Коршуновым не просто сменщики, мы — экипаж, — продолжает Николай Петрович свой рассказ. — Соревнуемся между собой, другим помогаем во всем. Оба учимся заочно в техникуме.

Из прорабской выбежали люди с красными повязками на рукавах.

— Простите, — сказал Николай Петрович. — Монтажники. Я им должен подавать блоки перекрытия.

И он быстро, по-кошачьи, стал подниматься по лестнице к кабине крана. Вот огромный кран плавно развернулся. Монтажники быстро подцепили блок, и кран стал так же плавно разворачиваться к новому корпусу.

Поэтесса

Проводил я однажды литературный вечер в Шумерлинском профтехучилище. Все шло вроде бы как надо, но меня не покидало ощущение, что ребята ждут чего-то еще, может быть, самого главного. Дай, думаю, расскажу о Тракторострое. И посыпались вопросы, вопросы, вопросы. Наперебой. Тогда я и сказал будущим рабочим:

— Закончите училище и приезжайте в Чебоксары на Тракторострой.

— Приедем, — обещали они.

После встречи я уже собирался уходить, когда подбежала ко мне невысокая кареглазая девушка. В руках — пачка тетрадей.

— Здесь — мои стихи... Не можете почитать?..

Стихи девушки мне понравились. В них — девичья мечта, ожидание чего-то хорошего, неизведанного, умение радоваться жизни. И рифмы, и эпитеты, и метафоры. Все есть, но в то же время чего-то не хватает. Чего?..

Подумав, я понял, что нет еще в них знания жизни, деталей, которыми богаты наши повседневные хлопоты.

— Вот начнешь работать на Тракторострое, все это придет само собой, — говорил я ей.

А потом я и забыл об этом разговоре.

Иду как-то по стройплощадке. И вдруг слышу: зовут меня. Обернулся на голос, смотрю — та самая девушка, которая дала мне читать свои стихи. Сама так изменилась, похорошела.

— Я уже более месяца работаю здесь, — говорит.

Я ее поздравил с началом трудовой биографии. Спрашиваю: «А как со стихами?»

И тут она вытаскивает из кармана спецовки небольшой блокнот и подает мне. Читаю и радуюсь за нее. Прекрасные стихи! Да, она теперь — человек труда, и героями стихов стали такие же рабочие, как она сама, и новые пружинистые ритмы зазвучали в ее поэтической строке. А автор, простодушно улыбаясь, говорит:

— Даже не верится, что мы своими руками строим такой заводиче.

Сохранилась бы на всю жизнь способность удивляться! Тогда каждый новый день — открытие, постижение профессии — открытие, любовь — открытие и вся жизнь — открытие глубин человеческого бытия.

Я верю, так и будет...

Сын пул...

Бывая на стройке, я часто встречаюсь с В. Н. Николаевым, его людьми.

Всегда приветлив со мной Валерий Николаевич, но сегодня он что-то не в духе: издали слышу, как ругает кого-то.

Это меня насторожило. Обычно он умел оставаться внешне спокойным, уравновешенным даже в тех случаях, когда внутри у него все кипело.

— Что случилось?

— А-а, это ты, — повернулся ко мне Валерий Николаевич. — Да вот, понимаешь, рабочий день кончается, у нас в бригаде ожидается очень хорошее мероприятие, и вдруг подходит прораб и говорит: «Перебрось своих к каменщикам, кирпичи выгружать».

Пошел уточнить, сколько людей нужно, как их расставить. И вижу: в грязи застряли три машины. И люди должны в эту грязь лезть. А рядом работают тракторы, неужели они не могут вытащить самосвалы?

— Ну и надо было сказать прорабу об этом.

— Сказал. — Валерий Николаевич махнул рукой. — Без тебя, говорит, знаем. Делай, кричит, что тебе велят. Ты же знаешь, мои люди не боятся никакой работы. Если нужно, они в проливной дождь сутками будут работать. Но ведь здесь другой выход есть, намного проще. Вытащить машины из грязи, подвести прямо к рабочей площадке. И время, и людей уберем. Ну и сказал я ему все. А в это время как раз проходил мимо секретарь парткома треста. Узнав, в чем дело, он тут же распорядился вызвать трактор и пообещал пропесочить прораба в парткоме.

— Так и надо ему.

— Так-то так, но ведь все можно было сделать без ругани, без нервотрепки.

Слушая Валерия Николаевича, я понял, как больно пытались его сегодня унижить, загнать в рамки тех, кто при всяком случае пожимает плечами и говорит: «Я человек маленький, как прикажете, так и сделаю». Но он коммунист, он знает не только, что такое исполнительность. Зачем подчиняться тому, что граничит с самодурством?

Пятеро разгрузили кирпич из подведенных к рабочей площадке машин буквально за полчаса и вернулись.

— Вовремя приедет? — спросили они у бригадира.

— Должен приехать вовремя, — ответил он, взглянув на часы.

— Кто должен приехать? — поинтересовался я.

— Лектор-международник.

— Не хотите, значит, отставать от жизни?

— Рабочему классу не положено отставать, — просто и спокойно ответил Валерий Николаевич и обратился к своим: — Давайте, ребята, время еще есть, поставим эти блоки, чтобы завтра с утра начать сварочную работу.

Я смотрю, как они поднимают и ставят блоки. Руководит операцией сам бригадир — Валерий Николаевич.

— Стоп! — кричит он, его рука вскидывается вверх и замирает.

Блок точно уложен на фундамент.

Валерий Николаевич отводит назад левую руку. Это значит, что второй блок подался слишком вперед, надо его отвести назад.

— Теперь опускай! Вира! — командует бригадир.

И второй блок ложится на свое место.

Я смотрю на Валерия Николаевича, и он кажется мне волшебником, взмаху руки которого подчиняются и машины, и люди.

«Не бойтесь работы, пусть она сама вас боится», — вспоминаю я любимую его поговорку.

— Так учила нас мать, — рассказывал мне Валерий Николаевич. — А потом добавляла: «Сын пул!»

Его мать, Улья-аппа, Ольга Петровна Николаева, учила своих детей любить труд и искать в труде настоящее счастье.

«Сын пул!» В переводе на русский это значит — будь человеком. Таким, чтобы тобою гордились друзья, односельчане, родители.

«Сын пул!..»

С честью пронесит по жизни этот девиз своей матери Валерий Николаевич.

Шестнадцатилетним парнишкой пришел он в 1947 году в Чебоксары, стал строителем и с тех пор уже более четверти века отдает любимой работе всю душу.

— Когда еду по Чебоксарам, вижу дома, заводы, дворцы, в которых есть часть и моего скромного труда, — рассказывает он. — И мне хочется выскочить из троллейбуса, подбежать к знакомому зданию, снять шапку и сказать: «Здравствуй! Ты узнаешь меня? Я тебя строил!..»

— Много ли таких зданий, Валерий Николаевич?

— Много. В каждом районе Чебоксар. Может, поэтому город так близок мне. Каждая улочка, каждый проспект, каждый дом будто друг.

Дорога жизни широка. Бывают не только удачи и радости. Но тому, кто любит свою работу, легче переносить беды.

— Валерий Николаевич, счастлив ли ты? — спрашиваю я.

— Да, счастлив, — отвечает он мне и тихо, чуть застенчиво улыбается.

Черная собачка

В прошлом году на промышленной базе Тракторостроя появилась собачка. Да, да, обыкновенная дворняжка. Откуда пришла — никто не знает. Но она прижилась на стройплощадке. Все ее полюбили. И красивая она: вся черная, только на передних лапках, как ленточки, белые полоски. И очень ласковая: к каждому подойдет, посмотрит внимательно в глаза, будто приглашая к разговору.

Как ее зовут? Да разное. Одни Барбосом, другие Ладой, третьи Анъяром. Мне больше по душе последнее имя — Анъяр. Это чувашская кличка собаки, в переводе на русский язык — держи и не пускай. А за глаза все тракторостроевцы прозвали ее «хозяйкой стройки». И вправду, дворняжка чувствует себя на стройке как дома. Каждого встречает, будто хочет узнать, что за человек он, потом начинает вилять хвостом. Это на ее языке значит: я признала тебя.

И во какая история случилась однажды с Анъяром.

Сидим мы с одним из бригадиров СУ-9 у новой столовой, что на промышленной базе. Разговариваем. Вдруг за прорабской будкой раздался лай собаки. Мы сразу узнали голос Анъяра.

— Что это? — удивился я. — Обычно Анъяр не лает на людей. Чужая собака, что ли, забрела?

А «хозяйка» так и заливается сердито.

Мы с бригадиром побежали на лай. Смотрим и глазам не верим: наша собачка, которая всегда ласково встречала людей, кидается на одного коренастого мужчину с большим шрамом на правой щеке.

— Анъяр! Анъяр! — позвал я собаку. — Замолчи же!

Еле-еле удалось отвести ее подальше от одноухого. Мне непонятно было поведение собаки, которая почему-то невзлюбила этого человека.

— А-а-а, это ты! — сказал бригадир, прибежавший за мной, одноухому. — Ну что ж, молодец, Анъяр! Знает, на кого лаять. — И насмешливо: — А ты что, опять за досками?

— Нет, я работать сюда поступил. Плотником оформили. Проклятая собака, не дает и работать, куда ни ступлю, так и бросается на меня.

— Так тебе и надо, — засмеялся бригадир. — Не будешь доски тащить со стройки.

— Да я уж и не таскаю... — Одноухий торопливо исчез.

— Что это за человек? — спросил я у бригадира.

— Оттуда, из соседнего села, — ответил тот, показывая на деревню Петин-Сали. — Месяца три назад за досками к нам пришел. Собака его и задержала. И видишь, до сегодняшнего дня помнит.

— Какой ты молодец, Анъяр, — погладил я дворняжку по густой шерсти. — А если он станет честно работать, ты признаешь его своим?

Собака положила лапы ко мне на колени и лизнула руку.

Месяца через три я оказался на митинге, посвященном дню рождения Ленинского комсомола. Мы с товарищем стояли у сдаточного корпуса и слушали выступление секретаря парткома треста № 5.

Весело взвизгивая, будто радуясь празднику людей, подбежал к нам Анъяр.

— Ох ты моя хорошая! Ох ты моя ласковая! — стал я гладить ее по спине.

И тут к нам протиснулся — кто бы вы думали? — тот самый одноухий плотник, на которого когда-то так яростно бросалась «хозяйка стройки».

Протянув руку, он улыбнулся:

— С праздником!

Собачка подбежала к нему, завиляла хвостом.

— Вот видите, — кивнул на нее одноухий. — Теперь признала и меня. Я ведь недавно премию получил. За хорошую работу. — Он погладил Анъяра. — Бывают же умные собачки...

Товарищеский суд

Сергей Я. плотник. В прошлом году в комплексной бригаде В. Н. Николаева говорили, что у него золотые руки. Да, на самом деле никто лучше и быстрее не умел ставить оконные рамы, настилать полы... Его любили, уважали...

И вот... беда. Запил добрый молодец.

Тот, кто подружился с зеленым змием, похож на человека, тонущего на болоте. Засысывает эта трясына, и трудно из нее выбраться.

Однажды опоздал Сергей на работу. В другой раз пришел пьяным. А потом и вовсе не вышел. С ним говорили, убеждали. Он обещал бро-

силь, но не сдерживал слова. Несколько раз попадал в медвытрезвитель. Начал дома скандалить.

«Нет, так не годится,— решили в бригаде,— направим дело в суд. В товарищеский суд. Может, там он поймет свою ошибку».

Меня тоже пригласили на этот суд.

Сергей сначала храбрился, держал себя вызывающе, пытался спорить, мол, что там, свое пропиваю. Но потом, видя, как осуждают его товарищи, сник. Я видел, как он маялся, краснел от стыда.

Но больше всего, видимо, взволновало его решение суда. Оно состояло из двух пунктов. В первом осуждалось его поведение, а во втором было предложение-требование подсудимому поступить учиться на курсы арматурщиков.

Если сказать честно, я не совсем доволен был решением суда, думал, что для Сергея этого мало, он не пойдет учиться. Но, к моему удивлению, он тут же поступил на курсы... Я потом узнавал, как он там. Мне сказали: «Молодец, старательный, активный».

И проклятый змий Сергеем был забыт окончательно.

Земляк

С Колей Ильиным я познакомился на митинге, посвященном дню рождения Ленинского комсомола. В тот день комсомольцы Тракторостроя подвели итоги социалистического соревнования, вручили награды передовым бригадам и приняли в свои ряды новое пополнение. А потом замуровали в нише административного здания сдаточного корпуса письмо к потомкам. В письме было сказано:

«... Мы заверяем вас, дорогие потомки XXI века: каждым своим шагом, каждым прожитым днем, каждым ударом сердца мы будем демонстрировать свою священную верность Коммунистической партии, готовность выполнить любой приказ матери-Родины, всеми своими делами и мыслями будем утверждать на земле коммунизм!»

И Коля был в числе тех, кому выпала высокая честь замуровать это славное письмо будущим комсомольцам.

Потом мы с ним вместе пошли домой, по пути и разговорились. Он рассказал о своей бригаде, о своих товарищах, о мечте — поступить в строительный техникум.

Второй раз мы встретились с ним в театре. Тогда в Чебоксарах началась неделя марийского искусства. Я решил посмотреть постановку «Выйди, выйди за Ивана». И вот когда зашел в зал, сел на свое место, увидел рядом Колю.

— Решил посмотреть, как играют земляки,— сказал он.

— Как земляки? — не понял я.

— Так вот,— улыбнулся он.— Ведь я из Йошкар-Олы. Родился и вырос там. До армии жил там. А потом приехал сюда строить Чебоксарский завод промышленных тракторов.

— Сразу же после армии?

— Можно сказать, прямо из армии. Не успел даже форму снять. Есть у меня друг, чуваш, Костя Антонов. Мы и сейчас с ним вместе работаем. Только он не смог прийти сегодня в театр: в вечерней школе учится. И вот Костя как-то получил письмо от своей девушки, Ольги. Она писала, что в Чебоксарах началось строительство нового завода-гиганта, что очень нужны рабочие руки и сама она пошла работать туда. Костя и прочел нам это письмо. Мы тогда всем отделением решили: после демобилизации сразу в Чебоксары, на Тракторострой!

Третий раз я увидел Колю совсем недавно. Было время обеда.

Я зашел в бытовку их бригады: он сидел за столом и писал.

— Что не обедаешь?

— Да вот письмо решил написать, — сказал он. — К ребятам, в свою часть. Хочу рассказать им о нашей стройке. После демобилизации пусть приезжают. Здесь ох как нужны молодые и сильные руки!..

Он заклеил конверт.

— Опустите в городе в ящик, пожалуйста, — сказал он. — А я сегодня задержусь. После смены у нас комсомольское собрание. Недавно выбрали комсоргом бригады, надо обсудить вопрос о трудовом почине...

Слушая Колю, я радовался, радовался тому, что этот парень, недавний школьник и солдат, на большой народной стройке становится настоящим рабочим, Человеком с большой буквы.

Он стал моим земляком.

Анюта

Анюта — остроглазая, живая, миниатюрная девушка из бригады маляров. Она еще совсем молодая, только что окончила Чебоксарское ПТУ. Первый год на Тракторострое. До этого жила в небольшой деревушке, что недалеко от города.

Будто не шагает, а порхает она по участку. И всюду, куда подходит, чувствуется оживление.

— Анюта, миленькая, подай, ведро. То, что в дальнем ряду.

— Анюта, побудь за напарницу. С тобой весело, и работа спорится.

— Анюта, научи прямую линию проводить. Уж так у тебя ловко получается.

— Анюта, Анюта, Анюта...

Повсюду она успевает. Будто не работает, порхает по участку. Так уж она весело, бойко живет. Для всех находит нужное словечко. Всюду после нее остается радость.

Спрашиваю у бригадира:

— А свою работу она успевает делать?

— Еще как, — говорит бригадир. — Вначале я сама подумала, что она мало работает. То на одном месте, то на другом вижу. То одного учит, то другому что-то подсаживает. Решила проверить. Оказывается, свою работу она всегда перевыполняет. И всегда на отлично. Как только успевает?

Смотрю, как работает Анюта. Легки и свободны ее движения. Лицо неузнаваемо. Озабоченное, взрослое. Провела линию, прищурилась, посмотрела, еще провела линию... И вот стена готова. Все рисунки на месте. И опять заулыбалась!

— Ртуть-девушка, — шепчет мне бригадир. — И знаете, с тех пор, как она пришла в нашу бригаду, мы сразу незаметно вырвались вперед. Анюта с ведерком пробегает мимо. Окликаю ее:

— Не устает, Анюта?

— Разве от любимой работы можно устать?

В ее глазах светит солнышко. Да, да, я бы сказал — именно солнышко. От ее взгляда становится на душе веселее, радостнее. Честное слово, я бы хотел смотреть в эти глаза, когда грустно на душе. Уверен, вся грусть улетучится мгновенно. Что за глаза! Что за дивчина — Анюта!

— Анюта, — говорю, — у тебя есть мечта? О чем ты мечтаешь?

— О многом. Учиться, например, в строительном техникуме.

— А потом?

— Работать, конечно.

— Где?

— Как где? — Последний вопрос ее удивляет. — Здесь, на нашей стройке.

И легко, будто порхает, бежит туда, где ее ждут.

— Анюта!.. — кричит бригадир. — Быстрее! Машина приехала!

— Сейчас! — кричит Анюта.

Через минуту выбегает из бытовки тонконогая худощавая девушка с косичками школьницы и торопится к машине. Там ее подхватывают на руки, дверца закрывается, и машина, оставив фонтан пыли, скрывается за пригорком.

— Счастливо! — кричат вслед девчата. — Удачи тебе, Анюта!..

— Куда это она? — спрашиваю.

— Так она у нас чемпионка по теннису. На соревнование повезли.

«Ай да Анюта! — думаю. — Она еще и в теннис успевает играть. Ай да девочка!..»

— Ну, что ж, победы тебе в теннисе! Победы и удачи во всем! И еще очень прошу, Анюта, постарайся подольше оставаться такой, какая ты есть сейчас. Людям это нужно, я видел это, поверь...

Яблоки

Со стороны шоссе иду к сдаточному корпусу. Вижу, на обочине стоит старуха, озабоченно посматривает по сторонам. В правой руке у нее — большая сетка, а в сетке — яблоки. Крупные, свежие, румяные.

— Слушай, сынок, где здесь тракторостройцы? — спрашивает она, когда я поравнялся с ней.

— Тракторостроевцы? А из какого управления вам нужны, бабушка?

— Не управленцы, а тракторостройцы нужны мне,—махнула левой, свободной рукой старуха.

— Если не скажете, в каком управлении или бригаде работают ваши тракторостроевцы, то трудно разыскать их,—начал я объяснять старухе.—Тракторострой велик. Вон там, к югу, работают строители промбазы. И они тракторостроевцы. Впереди нас —сдаточный корпус, рядом —прессово-сварочно-сборочный корпус. Там тоже тракторостроевцы работают. Рядом с шоссе, вон, поднимается литейный комплекс. И там тракторостроевцы...

— Ну-у, ай-яй-яй! —удивилась старуха, услышав это.—Я и не знала, что Тракторострой такой огромный. Тогда мне как же найти тех ребят?

— Каких?

— Которые моего внука спасли от смерти.

— Какого внука? Когда?

— И-и-и, сынок, расскажу тебе, расскажу,—сказала старуха, поставив сетку с яблоками на землю.—Я во-он в той деревне живу,—показала левой рукой в сторону Новочебоксарска.—Однажды пришлось пятилетнего внука одного оставить дома. Родители были на работе в колхозе. А мне понадобилось сбежать на соседнюю улицу... Внука одного и заперла в избе. А он, оставшись один, начал играть спичками. Эй, сынок, много ли надо огню!..

Старуха отдышалась.

— Пожар случился, пожар! Внук испугался и залез под кровать. Плакал, кричал. Но никого не было. Хорошо, что в это время мимо проходили тракторостроевцы, откуда-то из похода возвращались... Увидали дым и прибежали, вынесли прямо из огня моего внука. Иначе сгорел бы мой маленький!

— И вы, бабушка, теперь ищите их, спасителей?

— Их ищу, сынок, их. Надо отблагодарить. Вот гостинец несу. Яблоки. Из своего сада. Ты, сынок, помоги мне разыскать их.

— Трудно, не зная адреса.

— Все равно помоги, сынок!

— Фамилии не знаешь?

— И-и-и, нет. Разве было там время расспрашивать фамилии?

— А на каком участке они работают?

— Какой там участок! —махнула рукой старуха.—Знаю, работают они здесь. Ты знаешь тут кого-нибудь?

— Знаю.

— Тогда должен знать, в какой бригаде есть добрые люди.

— Бабушка, здесь на каждом участке работают хорошие парни.

— Оно, может, и так... Но ты води меня к самым лучшим, к самым добрым.

— И самых лучших здесь много.

— И-и, не говори так. Веди меня к самым, самым лучшим... Они спасли моего внука...

В бригадах и Салканова, и Николаева, и Григорьева, и Иванова работают отзывчивые люди, готовые прийти, если потребуется, каждому на помощь, задумался я. Где же искать «самых, самых лучших»?

Мне очень хотелось помочь старухе найти тех людей, и я решил поводить ее по Тракторострою. Пусть походит, посмотрит, если и не найдет тех, кто спас ее внука, то успокоит душу, думал я.

Мы побывали в нескольких бригадах. Но старуха не нашла тех, кого искала. Но работа трудолюбивых тракторостроителей радовала ее...

— И-и-и,— сказала она,— как много хороших людей здесь, на стройке. И все молодые, как на подбор, добрые. Вот, дети мои, от меня, от бабушки Варвары, гостинцы вам.

И она стала раздавать сочные яблоки.

— Ешьте, ешьте, дети мои,— приговаривала старушка.— Сама я их вырастила. Не нашли мы сегодня спасителей. Но вы тоже тракторостройцы. И вы не оставили бы моего внука без помощи... Ешьте, дети мои, ешьте...

Разговор, услышанный в пути

Я был на собрании молодых заводчан-тракторостроителей. Горячий завязался там разговор. Обсуждали вопрос о помощи отстающим коллективам строителей и договорились поработать по одному месяцу на стройке.

Домой я возвращался один.

Шел мимо проходной сдаточного корпуса.

Из-за бытовок вышли два парня и, разговаривая, пошли в ту же сторону, куда шел я.

— Брось ты надрываться там, в этой твоей бригаде,— говорит один басом.

— Как же я брошу?— удивленно спрашивает другой, голос у него тонкий.

— Вы же регулярно не выполняете план! Из-за этого и зарплата — три копейки,— говорит бас.

— Это я знаю.

— Что же еще думаешь, коль знаешь?

— У нас ребята хорошие.

— Чего там хорошие? Отстающие! И бригадир какой-то слюнтяй.

— Он старается. И мы стараемся.

— Больше от бригадира зависит. Значит, он работать не умеет.

— Ему надо помочь.

— С чужой помощью конца-края не найдешь! А наша бригада никогда не была отстающей. Мы всегда план перевыполняем.

— И это знаю.

— И премию всегда получаем. Наш бригадир — золотой!

— Что же тогда получится, если все пойдут в вашу бригаду?

— Значит, не перейдешь?
— Не перейду.
— Ну как хочешь. Только потом не жалей.
— Ты бы лучше помог нашему бригадиру. Поговори со своим, может, он поделится с нашим своим опытом, так сказать, возьмет над ним шефство. Тогда и наш коллектив станет на ноги. А это значит, что будет помощь всей стройке.

Замолчали, шли раздумывая.

— Вообще-то ты прав,— заговорил вдруг бас.— Не только о себе, даже не только о своей бригаде, а о всей стройке надо нам думать.

— Вот это слова советского человека!

— Я завтра же поговорю со своим. Возьмем шефство над вами. Подучим, поможем. Вы — молодой коллектив, вам опыта не хватает. А мы поделимся опытом.

— Спасибо. Знаешь, я ведь знал, что ты в конце концов все равно так скажешь. Хотел, чтобы ты сам об этом заговорил.

Недалеко стоял автобус. Парни сели туда, а я, думая об их разговоре, продолжил свой путь. Я знал, верил, что будет результат этого разговора. Бригада, что отставала, скоро выйдет в передовые с помощью добрых друзей...

Новая птица

Рассказывать о трудовых достижениях неугомонных тружеников треста «Спецстроймеханизация», который является субподрядчиком на Тракторострое, мне уже не привыкать. Но на этот раз я хочу рассказать о душевной красоте одного из своих друзей, работающих там.

Михаил Сергеев, можно сказать, ничем не отличается от других механизаторов треста. Он шофер. Высокий, стройный, сероглазый, с тонкими усиками. Недавно женился и живет с молодой женой в Новоожном районе города Чебоксары.

У Миши свои «Жигули». Наши семьи дружат. И мы, две семьи, решили встретить Новый год в деревне, у родителей Сергеева. Заранее договорились об этом со всеми своими знакомыми и родственниками. И вот в предновогодний вечер сели в «Жигули» и выехали из города.

Доехали в деревню за час до Нового года. А там — все наши друзья, родственники собрались. Встретить, так уж встретить, всем сообща Новый год. Все обрадовались нашему приезду. Мы только успели отдышаться, как прибежали соседи.

— Говорят, наш Михаил приехал!

— Да,— отвечает старший Сергеев.

— На машине?

— На машине.

— Эх, он нам нужен! Очень!

— А что случилось? — окружили тут все соседа.

— Да вот гости к нам приехали... Друг с женой из соседнего района. Жена на сносях. И вот... В больницу надо.

— Да, не получилась встреча! — огорчился Миша. — Не дали Новый год встретить! — Он взглянул на часы. — Еще двадцать минут осталось.

— Скорей нужно... в больницу-то, — робко заметил сосед.

— Скорей — так скорей! — сказал Миша. — Где она? Поехали!

Через несколько минут «Жигули» направились в сторону райцентра. Провожали роженицу муж и я.

Доехали мы до районной больницы быстро и вовремя. Сдали роженицу в больницу и выехали обратно. Но... Новый год уже наступил. Наши семьи без нас встретили праздник.

— Не встретили Новый год, зато можете поздравить нас с Новой Птицей, — пошутил Миша. — Так у нас в Чувашии называют новорожденного — Новой Птицей!..

Потомки Суная

Стою, ожидая попутную машину в город, у сдаточного корпуса. Вижу, идет-ковыляет седобородый старик. Шел-шел по строительной площадке и остановился против меня. Но меня не видит, смотрит на монтажников, которые хлопочут на противоположной стороне, стараясь как можно быстрее положить блоки перекрытия на место. Дед мне показался каким-то старым волшебником из древней сказки. Одет в белый старинный халат, разрисованный вышивками, на голове — ялкас, своеобразный головной убор, на ногах — самодельные башмаки. Глядя на него, я думал: «В каждом старом человеке есть своеобразная красота, каждый старый человек — целый мир». Подошел к нему:

— Мучи¹, внука своего ищешь?

Старик обернулся в мою сторону. Борода у него длинная, лицо — в шрамах.

— Нет, сынок. Внуки и правнуки мои живут в деревне.

Голос хриплый, старческий. Но слова выговаривает полностью. Видимо, не желая тратить время на пустую болтовню, он стал опять смотреть, как трудятся монтажники.

— Дело какое здесь? — все не отставал я от старика.

— Решил вот посмотреть, сынок. Специально приехал посмотреть.

— Из какой ты деревни?

— Да вот оттуда, — показал он на юг, на селение, виднеющееся вдаль, и взглянул на меня пылливо, будто бы спрашивая: «А ты кто? И почему мешаешь мне?»

Постояли молча. Вот кран-богатырь СКР-150 развернулся, зацепив огромную железобетонную плиту, поднял ее на уровень стен нового

¹ Мучи — так почтительно величают чуваша старых, умудренных жизненным опытом людей, аксакалов.

здания и стал медленно поворачиваться. Немного времени прошло, и многотонная плита перекрытия была уложена на место.

— Да-а, это потомки Суная, — твердым голосом произнес старик. — Ничего тут другого не скажешь.

— Какие потомки Суная? — не понял я. — Кто это Сунай? Фамилия? Или ваши деревенские тут работают?

— Нет, не деревенские, — как-то не совсем в духе ответил старик. — Сунай — это древний богатырь. Неужели ты не слышал?

Он посмотрел на меня с сожалением.

— Виноват, дедушка, не помню о таком.

Старик почувствовал, что я себя виню, сразу же смягчился. Посмотрел на меня и сказал:

— Пойдем-ка сядем вон туда, где бревно. И я расскажу тебе о величайшем чувашском богатыре Сунае и его железном коне.

Мы сели. И дед стал рассказывать.

— О Сунае много сохранилось легенд. Он сделал железного коня, чтобы распахать страну Мрака, где камни лежали на камнях. Добрая богиня Пюлеске дала Сунаю волшебный огонь, который должен был оживить железного коня, но злой бог смерти Эсрель украл его, и железный конь остался навеки в стране Мрака. А сам Сунай погиб в борьбе с Эсрелем. Но Пюлеске успела сказать ему, что через многие годы появится на земле молодой богатырь сильнее его, и он спасет волшебный огонь и оживит железного коня, а затем распахает страну Мрака, в которой посягнутся счастливые люди и засияет свет.

Это была древняя легенда. И говорилось в ней о борьбе добра и зла. В отличие от многих других в этой легенде зло не было наказано. Но оставалась в народе мечта о победе добра.

— И вот я пришел посмотреть на потомков Суная, — тихо, но внятно сказал старик, показывая посохом в сторону Тракторостроя.

Любовь

Иван Николаев — сибиряк, родился и вырос в Тюмени. А в Чебоксары приехал сразу же после армии, вместе с сослуживцами. Всего десять солдат было из одной части. Сразу же все устроились на Тракторострое, стали работать в одной бригаде. Иван еще в армии освоил прекрасную профессию электросварщика. Все-таки не захотел на завод, решил поработать на великой стройке.

Познакомился с Иваном я в первые же дни его работы на Тракторострое. Газета военного округа просила меня написать о демобилизованном воине очерк. И я, взяв это письмо, пошел в отдел кадров стройтреста. Там меня сразу же познакомили с Иваном.

— Огонь-парень. Не боится трудностей. И друзья уважают.

Да, писать об Иване есть что. Он и общественник, хороший спортсмен. Чемпион треста по стрельбе из лука.

Вскоре мы с Иваном крепко подружились.

Потом, когда уже строители сдали сдаточный корпус, Иван перешел работать в цех, то есть на сам завод промышленных тракторов.

— Думал-думал и понял, что там сейчас нужнее моя профессия электросварщика, — говорил он.

Да, тогда на заводе очень нужны были электросварщики, так как рабочие уже готовились выпускать детали для будущих тракторов.

Как-то был я у сменного мастера, заговорили о передовиках производства. И я услышал фамилию своего друга.

— Да, он уже кадровый наш рабочий, — говорил мастер. — Скоро получит звание ударника коммунистического труда.

— А не собирается в родной свой город?

— Да нет, об этом и разговора не было.

А тут, как на заказ, сам Иван. В руках — заявление.

— Хочу встать в очередь на квартиру.

— Что, решил семьей обзавестись? — спрашивает мастер.

— Да, скоро свадьба. И вас обязательно приглашу! — пообещал Иван.

С тех пор прошло уже довольно много времени. Получилось так, что в цех я никак не мог попасть: времени не хватало. И вот я опять в цехе, сижу у начальника. И случилось как бы повторение.

Опять входит Иван, и опять с заявлением.

— Ухожу, — говорит, — с работы.

Я удивился:

— Подожди, Иван, не ты ли даже в очередь на квартиру встал?!

Как это понять?

— Не по своей воле, — жалуется он. — Невеста требует.

— А где она?

— Да в Тюмени. Вместе росли. Обещала приехать. Поэтому и встал я в очередь на квартиру. Но отговорили ее родственники, мол, и в Сибири много работы. А я без Валюши не могу жить. Люблю ее. Остается одно: вернуться в Тюмень.

— Да-а, трудная ситуация, — задумался начальник цеха. И вдруг спрашивает: — А тебе самому хочется остаться в Чебоксарах?

— Я бы, конечно, не уехал.

— Значит, я не принимаю твое заявление! — сказал начальник цеха.

— Как же не принимаете?! — испугался Иван. — Ведь, если я не поеду, она меня бросит! Что тогда делать?

— Вот об этом и подумаем... Но учти, если любит по-настоящему, не бросит. Если бросит, значит, не любит, или, еще хуже — недостойна тебя. А она была у нас на заводе?

— Нет, не была.

— Вот мой совет. Пригласи ее к нам, ну, на несколько дней. Молодая, что ей стоит покататься туда-сюда. Пусть посмотрит город, завод. Поговорит с людьми. Не понравится — уедете вместе. Если понравится — пусть останется, работу дадим. Квартиру получите. А я верю, не понравится наш Тракторострой не может. Ну, договорились?

Вскоре в сдаточном корпусе стали собирать первый трактор. Я стал ходить туда каждый день. Временно забыл и об Иване, и о его заботах.

В тот день, когда устанавливали кабину первого трактора, я вдруг заметил Ивана. Он был с девушкой: показывал на трактор и что-то ей объяснял.

Я подошел.

— Вот моя Валюша, — представил Иван. — Приехала посмотреть город, наш Тракторострой.

— Как, Валюша, нравится вам здесь? — спрашиваю.

— Нравится, — улыбается она.

— Ну так оставайтесь здесь.

— Пока еще точно не могу сказать. Надо подумать...

Зазвонил телефон. Беру трубку. Иван. Голос радостный. «На свадьбу, — говорит, — приглашаем с Валюшей!..»

— Когда?

— Завтра. В ресторане «Ивушка».

— Значит, — говорю, — Валюша осталась в Чебоксарах?

— Да, — отвечает Иван. — Уже устроилась на работу. В нашем цехе. Табельщицей!..

Мастер

Александр Нестеренко — с Украины. Приехал на Тракторострой в 1972 году, когда еще только закладывались фундаменты первых корпусов завода. Стал работать в отделе главного сварщика.

Я помню Сашу с тех времен, когда на строящемся заводе промышленных тракторов выпускали первые стенные газеты. Он был членом редколлегии заводской стенгазеты «Тракторостроитель». Его первая заметка «Кафе в 500 лошадиных сил» долго обсуждалась на редколлегии. Решали, давать ее или не надо. Некоторые считали, что она слишком уж острая. В ней Нестеренко едко прошелся по тем незадачливым руководителям стройки, которые не смогли вовремя организовать общепит для бригад, работающих на отдаленных участках. В конце концов заметку напечатали. Результат был самый положительный. Ускорили на Тракторострое ввод большой столовой, которая решила почти все проблемы, связанные с общепитом.

А потом на строящемся заводе организовали мы литературное объединение «Илем». Саша стал самым активным его членом. Писал рассказы, очерки...

Как-то я зашел к Нестеренко в отдел главного сварщика. Саша обещал новый рассказ, и я решил его поторопить.

Смотрю — нет Саши на месте. Спрашиваю:

— Где Нестеренко?

— В цехе, — отвечают.

— Когда вернется?

— Не знаем,— говорят.— Может, через год, может, через два. А может, и через месяц. Смотря, как пойдут дела...

Я думал, они шутят. Оказывается, Нестеренко перешел в цех мелких серий работать мастером.

— Не понимаю Сашу,— говорит один из работников отдела.— Преуспевающий инженер и — мастером. Здесь он месяца через два стал бы начальником бюро. А там...

А там был почин. Как только сдали строители сдаточный корпус под монтаж оборудования, заводу позарез нужны стали мастера. И заводом ВЛКСМ обратился к молодым инженерам с призывом перейти работать в цеха. Саша пошел первым. А за ним последовали другие. Это и называется почином, не на словах, а на деле он позвал за собой...

Три встречи

Растет новый завод. Набирается сил. Вот уже из ворот сдаточного корпуса завода, грохоча гусеницами, выходят первые тракторы.

Самый первый чебоксарский богатырь, тяжелый промышленный трактор Т-330 собран в октябре 1975 года. Это был опытный образец новой машины.

Помню, как выходил из ворот завода двадцатый трактор. Посчастливилось мне тогда сидеть в его кабине вместе с водителем Валентином Григорьевым.

— И куда он отправится, этот трактор? — спросил я.

— В Кузбасс. На разработки угля...

Это было в начале 80-ых. В парткоме строящегося завода собрались конструкторы и те люди, которые ответственны за испытания новых машин в разных климатических условиях. Да чего греха таить, некоторые тракторы задали испытателям немало задач.

Но вот выступил представитель Кузбасса.

— Мы,— говорит,— очень довольны: работает ваш богатырь без усталости.

— А какой по номеру у вас трактор? — спрашиваю.

— Двадцатый!

«Мой! — думаю.— Мой трактор!»

Вспоминается еще одна встреча. Едем с товарищем по улицам Москвы.

— Вот Олимпийская деревня,— говорит он.— Смотри, какие чудодомаша!

И мы решили познакомиться поближе с домами, строящимися для Олимпиады. Вышли из машины, идем к стадиону. Слышу — урчит тяжелый трактор. Покрашен в светло-желтый солнечный цвет. Да это же наш!.. Чебоксарский богатырь!

Подожел поближе. Смотрю, по бокам цифры — 100. Значит, сотая машина Т-330.

Вспомнил: ведь трафарет для этой цифры я вырезал. Думаю: «Вот и другая моя машина!»

Спрашиваю у водителя, как работает.

— Как и положено настоящему великану! — говорит он, улыбаясь.

А третья встреча состоялась на Украине. Поехали мы с украинскими друзьями к строителям газопровода «Сибирь — Западная Европа».

Смотрю, тяжелые трубы, как малое дитя, поднимает трактор своими передними клещами.

— Да это же наша машина! — кричу. — Чебоксарский богатырь.

Стою и смотрю, как работает мой земляк, трактор Т-330. И кажется мне, на самом деле случилось чудо и ожил волшебный конь великого богатыря Суная...

1972—1985 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Как родословный талисман...	3
Солнечные ножки	18

ЮХМА Михаил Николаевич

КАК РОДОСЛОВНЫЙ ТАЛИСМАН

Рассказы

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 18.08.89. Подписано к печати 12.10.89. А 08923. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,16. Тираж 150000 экз. Заказ № 1115. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Если Вам нужно накопить определенную денежную сумму к совершеннолетию ребенка и одновременно с этим обеспечить ему страховую защиту от неблагоприятных событий, связанных с его здоровьем, заключите договор страхования ребенка. При этом ему должно быть не более 15 лет на момент подачи заявления о страховании.

● Размер страхового взноса зависит от возраста ребенка и страховой суммы, которую избирает страхователь. Поэтому заключить договор удобнее, когда Ваши дети маленькие.

● Кстати, заключая договор, Вы можете предусмотреть возможность получения в случае наступления неблагоприятных событий удвоенной или утроенной страховой суммы.

● Договоры страхования могут быть заключены не только родителями ребенка, но и любым его родственником. Поэтому в пользу одного ребенка можно заключить несколько договоров страхования.

● Подробнее ознакомиться с условиями страхования детей можно в инспекции Госстраха или у страхового агента, обслуживающего Вас по месту работы (жительства).

ГОССТРАХ РСФСР